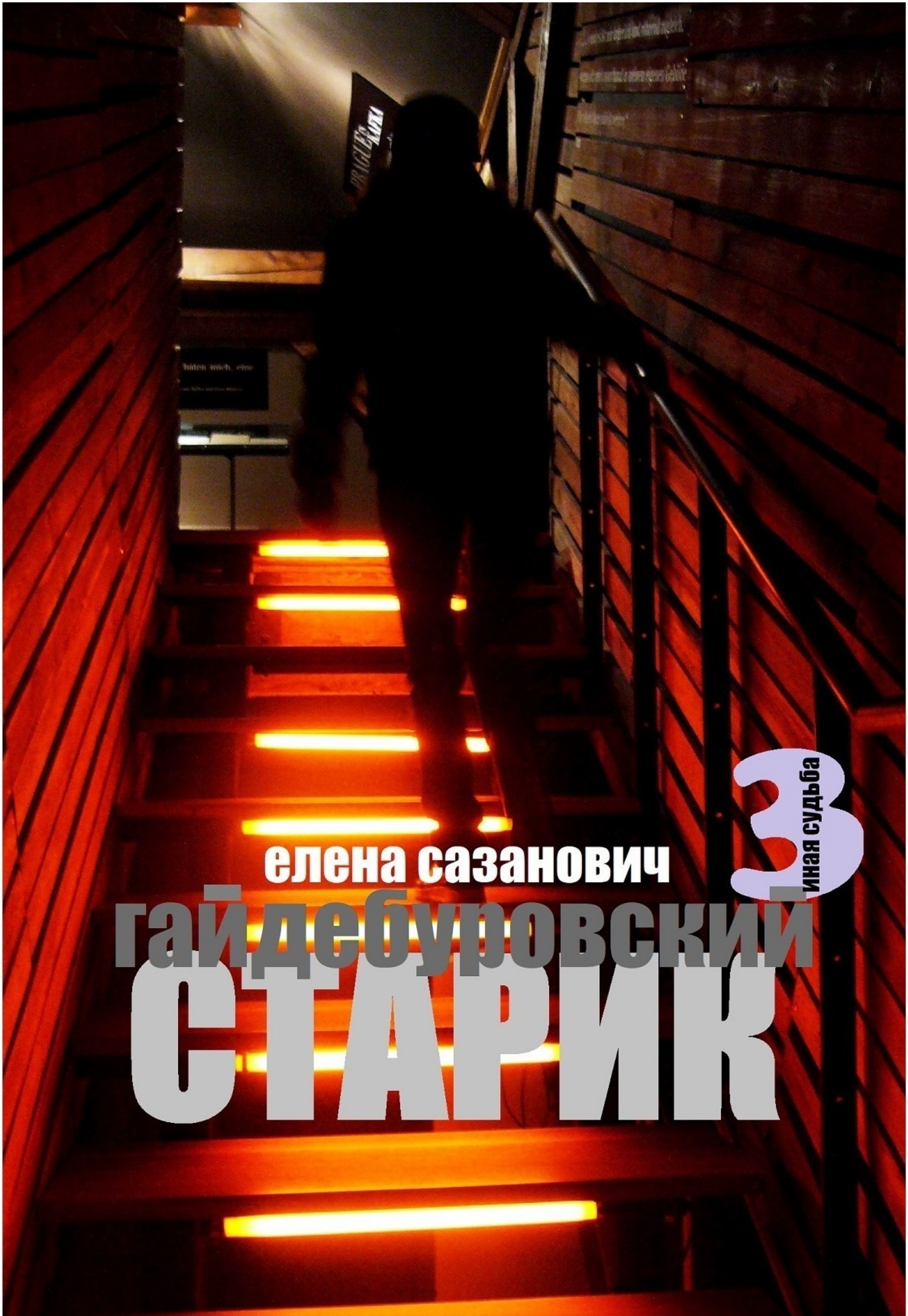

елена сазанович

гайдебуровский СТАРИК

3 иная судьба

Иная судьба

Елена Сазанович

Гайдебуровский старик

«Елена Сазанович»

2010

Сазанович Е. И.

Гайдебуровский старик / Е. И. Сазанович — «Елена Сазанович», 2010 — (Иная судьба)

Действие разворачивается в антикварной лавке. Именно здесь главный герой – молодой парень, философ-неудачник – случайно знакомится со старым антикваром и непредумышленно убивает его. В антикварной лавке убийца находит грим великого мхатовского актера Гайдебурова – седую бороду и усы – и полностью преображается, превращаясь в старика-антиквара. Теперь у него есть все – и богатство, и удача, и уважение. У него есть все, кроме молодости, утраченной по собственной воле. Но начинается следствие, которое завершается совершенно неожиданным образом…

© Сазанович Е. И., 2010
© Елена Сазанович, 2010

Елена Сазанович
Гайдебуровский старик
(В журнальном варианте опубликован в журнале «Подвиг», № 6, 2010)

У меня в детстве был мяч. Обычный, резиновый, по-моему, волейбольный. Такими мячами еще на пляже играют. Мы играли им во дворе, но могли бы и на пляже. Если бы пляж был рядом. И было рядом море. Но ничего такого не было. Только дома, магазины, машины и наш маленький дворик с волейбольной площадкой.

Я не помню, кто мне этот мяч подарил. Может, отец. Вполне возможно, двоюродный брат. Мяч был сделан в виде глобуса. И на нем умещался весь наш мир. Не такой уж большой целый мир. Который я вечерами рассматривал под тусклой настольной лампой. Забравшись с ногами на диван и уплетая мамины пирожки с кислой капустой. В этом мире было все, что душа пожелает. И горы, и леса, и джунгли, и даже пустыня. И, конечно, море, которое я никогда не видел. И на берегу которого вполне мог играть в волейбол.

Но постепенно мир на мяче тускнел, стирался, становился нечетким и грязным.

Однажды мы играли миром на стройке, и он попал в гущу битого стекла. И сдулся. Быстро, за каких-то пару минут. Которые мне показались вечностью. Я заворожено наблюдал, как сдуваются моря, горы, города, страны и целые континенты. По-моему, именно в тот миг, когда на моих глазах сдулся целый мир, я почувствовал себя его частью. Маленькой частью. Но единственно выжившим на всей нашей планете.

Мне показалось, что и я что-то значу в этом мире. Во всяком случае, у меня оставался шанс что-то значить. Если я единственный выжил.

Я нес в руках помятую, выцветшую резину, когда-то называвшуюся мячом. Я нес ее важно, торжественно, словно держал в руках флаг победителя. Мне не важно было, что наш мир погиб.

Мне важно было, что я в нем умудрился выжить…

А вечером его окончательно разодрал наш кот. И мама выбросила его через форточку.

Утром, стоя босыми ногами на балконе, я наблюдал, как хромой дворник сжигает вместе с мусором и листвой жалкие остатки какого-то разодранного, потускневшего мира. Мира, который был когда-то и моим. И который я почему-то перестал жалеть.

Отрывки из детства пронеслись минутным вихрем в моей голове, когда через стеклянную витрину я разглядывал мяч в виде глобуса. Он не был похож на мой и не мог быть похож. Потому что продавался в антикварной лавке. Потому что очень дорого стоил. Хотя я сильно сомневался, что столько стоит наш мир, который вызывающе разместился на нем.

Ливень хлестал по моим щекам, резкие струи дождя протекали за ворот куртки, желтая листва прилипала к моим кроссовкам, угрожающе завывал ветер. Они тоже недорого стоили. Может быть, именно поэтому я в отчаянии распахнул двери антикварной лавки. Чтобы согреться. А не потому, чтобы вспоминать детство, которое сгорело вместе с моим первым мячом. Сгорело, как у всех – я не исключение. Сгорело, как и все. Неисключительное.

В лавке никого не было. Я стоял напротив мяча и, не прикасаясь, его разглядывал. Те же страны, горы, моря, океаны. В мире ничего не меняется. И вряд ли изменится. Если мир, конечно, однажды не сожжет хромой дворник вместе с мусором и листвой.

Позади меня послышался кашель. Так кашляют старики и продавцы, желающие привлечь внимание. Я резко оглянулся. И оказался вдвойне прав. Передо мной стоял и старик, и прода-

вец в одном лице. Более того, он был типичным антикваром. Я даже удивился хрестоматийности образа. Высокий, сутулый, длинные седые волосы спадали на заостренные плечи. Седая борода аккуратно подстрижена. Черная фетровая беретка небрежно сдвинута на лоб. Из-под белых густых бровей настороженно выглядывали глаза болотного цвета. Одним словом, человек без лица. Просто антиквар. Похоже, не только мир неизменим, но и люди.

– Вас что-нибудь интересует, молодой человек? – низким густым голосом пропел он. Впрочем, я и не ожидал услышать другого.

– Сколько лет этому мячу? – спросил я, хотя мне было все равно. Мне нужно было дождаться, когда закончится буря.

– Более ста. Если вас интересует точная дата, я могу посмотреть документы.

– Нет, более столетия – это достаточно.

– Вас интересует история мяча?

– Нет, скорее его стоимость.

Меня не интересовало ни то, ни другое.

Старик назвал сумму, от которой у меня подкатил ком к горлу. Короче, я этой стоимостью чуть не подавился. Но виду не подал. За окном потемнело, хотя до вечера было еще далеко. А старик так и не зажег свет. Может быть, экономил. Ливень усилился, ветер так хлестал по деревьям, что они прогибались к земле. И целовали мокрую землю. Я не хотел оказаться на их месте. Слишком часто мне приходилось это делать. И сегодня мне нужно было оттянуть время.

– Понятно, – ответил я с достоинством, словно каждый день покупал подобные вещи.

– Этот мяч принадлежал самому Вильяму Моргану – старик гордо встряхнул седыми волосами.

Я поежился. Фамилия показалась довольно знакомой.

– Неужели самому? – я округлил глаза. И стукнул себя по лбу. Я вспомнил. – И как он к нему попал? К этому кровожадному пирату? Я и понятия не имел, что в перерывах между грабежами разбойники обожали на палубе играть в волейбол.

Старик сузил глаза. Он не понимал, я просто остряк или просто невежда. Впрочем, во мне всегда успешно совмещались и тот, и другой.

– Знаете, молодой человек, в истории было два Моргана. А, скорее всего, три или четыре. А еще, что вероятно, их было гораздо больше. Верите, но люди с одинаковой фамилией встречаются чаще, чем вы можете предполагать. Вашего Моргана звали Генри. И изобрести волейбол он просто не мог. Поскольку между ними пролегают более чем два долгих столетия. Но, увы, человеческая память почему-то тяготеет к дурным примерам. Почему? Не потому ли, что нам проще совершать дурные поступки, и фамилии дурных людей проще запоминаются? И мы помним пирата, а не изобретателя волейбола.

– Ну, с этим можно поспорить. Думаю, все проще. Мы помним тех, про кого больше сказано в истории. Или про кого больше рассказано историй. И интересней. И потом… Плохое лучше запоминать, чем повторять, – мне стало неловко, и я осторожно провел пальцем по мячу. – Этим мячом Морган играл в волейбол?

Старик не мог скрыть улыбки. Хотя из-за густой бороды она плохо была видна. Но я ее угадал. По растянувшимся щекам.

– Этот подарок. Он был сделан специально для него. В его, так сказать, честь. Им и чествовали этого замечательного изобретателя волейбола. Эксклюзивный вариант. А вы попробуйте им сыграть. Попробуйте подбросить мяч. Ну же, смелее.

Я осторожно взял мяч в руки. Он оказался невероятно тяжелым. Словно сделан был из свинца. Ничего себе! Подарочек! Как он, бедный, домой тащил этот презент. Может, у Моргана было больное сердце, и беднягу просто решили добить? Но эти предположения высказать вслух я не решился. Старик бы не понял.

Я опустил мяч на витрину. Перевел дух. И украдкой посмотрел за окно. За окном – сплошная пелена дождя. Завывание ветра. И вспышки молнии в темноте. Жуткое зрелище.

– А почему этот подарок был в форме глобуса? – я, как мог, поддерживал разговор. Мне нужно было оттянуть дождливое бурное время. – Или все же фамилия пирата наложила свой отпечаток? Тот наверняка хотел ограбить весь земной шар, шаря по морям-океанам.

– Забудьте вы о разбойниках и пиратах! Вам не шестнадцать! – старик раздраженно махнул рукой. – А глобус… Ну, это очень просто. Волейбол завоевал весь мир. Люди по наивности думают, что только они способны на завоевание мира. Но ни у одного из них это так и не получилось. Во всяком случае, надолго. В том числе и у вашего Моргана. Мир завоевывают вещи, понятия и слова. Причем без боя.

Старик, похоже, был философом. Но не по профессии. По призванию. Еще бы не философствовать, сидя среди старых вещей, пропитанных запахом ветхости минувших лет, от которого слегка мутило.

Я был философом по профессии, поскольку когда-то закончил философский факультет университета, самый бессмысленный факультет. Потому что ни один философ за все время на всей планете так и не ответил в чем смысл нашего существования. По призванию я философом так и не стал. Мое призвание ограничилось работой в средненьком супермаркете, где я служил (именно служил, как сторожевая собака!) охранником. Там знание философии было не к месту. И выглядело бы скорее дурным тоном. Дурной тон я всегда избегал. Особенно, если моими товарищами были продавщицы и грузчики…

– Ну-с, молодой человек, вы решились на покупку?

Вежливый тон старика меня почему-то взбесил. Я привык к другой тональности. Но, поскольку дождь продолжал лить, как из ведра, я, слегка припомнив, что учился в университете, ответил.

– Решился? – я изобразил на своем лице приветливую улыбку. – Почти. Сами понимаете… Решиться на такую дорогую вещь… Причем, совершенно будучи равнодушным к волейболу. Более того, понятия не имея – кто такой Морган. И еще, более того, будучи равнодушным к планете, которая изображена на мяче…

Болотные глаза старика сузились. И мне показалось, он растерялся. Вновь кашлянул от неловкости. А, возможно, его философия была не столь уж глубока и философична.

– В таком случае, я не понимаю, – прохрипел он.

Еще бы он понимал!

Я действительно был равнодушен. И не только к планете. Но и к месту, где я жил. И к тому, что меня окружало. В квартире. И за окном. Был равнодушен к своей работе. И к своим праздникам. И к своим друзьям. И своим недругам. И, наверное, к самой жизни. Может быть, я был не равнодушным к единственному существу на планете – к Тасе? Но я не знал – это много или мало для жизни.

Мы не могли друг друга не полюбить. Это было неизбежностью. Нет, не случайной встречей, не взрывом романтических чувств, не желанием наконец-то обрести любовь ради любви. Эти слова были пригодны для рая. Вряд ли и она, и я в этом раю жили. Все было проще. Мы работали бок о бок. Так уж получилось, что ее отдел товаров для быта, где она была продавщицей, находился рядом с выходом из универмага. Который я охранял, чтобы пронырливые покупатели что-нибудь не стащили. Пачку творога, к примеру. Или кусок мыла. Мыло почему-то больше всего пользовалось спросом. Или его легче всего было унести. Не знаю точно. Статистикой воровства в супермаркете я не занимался.

К тому же Тася оказалась самой симпатичной продавщицей. А я самым симпатичным охранником. Вариантов не было. Впрочем, я часто думал, что она меня полюбила не за внешность. Это большая роскошь. Любить красоту. Ни она, ни я этой роскоши себе не могли позво-

лить. Она полюбила меня именно потому, что я когда-то учился в университете. Хоть я был и в меру красив, и в меру высок. За это она бы меня не посмела полюбить. Ей нужно было выживать не только в супермаркете, но и в этом мире. Она полюбила меня за образование. Смешно, но правда. Тася еще смела надеяться, что хорошее образование – залог, если не успешной карьеры, то успешной порядочности и надежды на будущее. Впрочем, я тоже полюбил ее не за красоту. Только не это! Я полюбил ее, скорее всего, за необразованность. Хотя она была хороша собой. В меру круглое лицо, в меру синие глаза, в меру стройная фигура. Но я полюбил ее (стыдно признаться), за то, что она меня могла слушать с открытым ртом. Мне больше не перед кем было продемонстрировать свои философские измышления. Не перед покупателями же! Самые бесстыжие из которых таки умудрялись стащить кусок мыла. За который мне приходилось платить.

Впрочем, мы с Тасей неплохо ужились. Любовь это была или желание. Или желание, чтобы хоть кто-то любил. Это не важно. Хотя, не скрою, изначально я стал подсчитывать нашу любовь. Даже не подсчитывать, а считать дни любви. Зачем? Для кого? Знаете, как это бывает, когда считаешь будни до праздника. А какой у меня мог быть праздник? И с кем? И по какому поводу? Если все праздники всегда оказываются чужими. Я сам не мог ответить на этот вопрос. И, тем не менее, почему-то торопил, торопил время нашей совместной жизни.

Впрочем, я ловил себя на мысли, что вся наша жизнь подобна счету вслух. Поначалу считаешь цифры медленно. Потом берет нетерпение, и отсчитываешь все быстрее и быстрее. То ли сдают нервы, то ли устаешь, то ли хочешь поскорее закончить считать. Так идут годы. Поначалу размеренно, потом все быстрее и быстрее. То ли сдают нервы, то ли устаешь, то ли хочешь побыстрее рассчитаться. Так и не дождавшись праздника…

– Значит, вы ничего не желаете приобрести? – перебил мои непраздничные мысли антиквар.

Я вздрогнул – от неожиданности – и с тоской посмотрел за окно. Дождь усилился. Ветер рвал плакаты на улицах. Потоки воды уносили листья в разные стороны.

– Вы намекаете, что пора и честь знать? – вздохнул я.

– Ну, честь не в почете, особенно когда за окном такое твориться. Я бы мог предложить вам зонтик, – он зашел за прилавок и снял с крючка черный, довольно потрепанный мужской зонт с костяной ручкой. – Но у меня остался единственный экземпляр. И стоит он не дешево. Это вещь Ярослава Гашека. Вы знаете, он обожал зонты.

Антиквар с шумом раскрыл зонт. Он был весь в маленьких дырочках, словно съеденный мышью. А, возможно, Гашек просто гулял под дождем чаще, чем это следовало.

– Боюсь, что Ярослав Гашек мне не поможет.

Я решительно направился к выходу и с шумом распахнул дверь. Струи дождя ударили мне в лицо. Ветер чуть не сбил с ног.

– Погодите, – антиквар со всей силы сжал мое плечо и захлопнул дверь.

– Я откровенно вам скажу, молодой человек, я не люблю гостей. Покупатели мне гораздо милее. Но их так мало случается в моем бизнесе. Люди перестали ценить историю в деталях. К чему им зонтик Гашека или чемодан Менделеева? Кстати, к вашему сведению, великий ученый слыл и великим чемоданным мастером. Но, увы, наши милейшие покупатели порой понятия не имеют, кто владельцы этих вещей. Если владельцы забыты, то какова гарантия, что их же не забудет сама история через пару лет? Возможно, наши посетители где-то и правы. С их точки зрения, история в мелочах – невыгодный вклад капитала. Вот посему они предпочитают нечто глобальное, нечто масштабное. То, что заметно с первого взгляда. И чем можно воистину удивить. К примеру, бюро из красного дерева в стиле «барокко», либо комод с отделкой латунью в стиле «жакоб». Им не важно, кому эти вещи принадлежали. Они не задумываются, что каждая вещь – хранительница чьих-то семейных тайн. Наши господа не размышляют, что

история сама по себе довольно коварна, как и человеческая память. То, что забыто сегодня, завтра, может, всплыть на поверхность, и по баснословной цене.

– Но покупатели живут сегодня. Они вряд ли думают о вечности. И об играх истории. Вот поэтому и предпочитают надежность. То, что бесспорно.

– Вот поэтому у меня практически нет покупателей, – старик гордо встряхнул седой шевелюрой. – Я сознательно на это пошел, уверяю. Главный принцип моего бизнеса, чтобы каждая вещь имела своего хозяина. И его помнила, даже если он не так знаменит. И каждая вещь имеет свою интереснейшую историю. Это не безликий материал, как бы красив и дорог он ни был. Это предмет, за которым стоят века, целые эпохи, целые судьбы. Не буду скромничать, но в некотором роде я бы свою антикварную лавку посмел сравнить с музеем. Разве что в музее мы просто созерцаем историю. А здесь имеем право не только к ней прикоснуться, но и купить. Поэтому завсегдатаев у меня немного. Но я не отчаиваюсь. Знаете ли – одна покупка в полгода – и я прекрасно эти полгода могу жить, ни в чем себе не отказывая. И, хочу заметить, не перетруждая себя.

– И на семью хватает?

– Мой дом, моя работа, моя семья, мои друзья, мои праздники и мои будни – вот они.

Старик обвел рукой комнату, в которой поселились сотни вещей. Столики и буфеты. Утюги и самовары. Патефоны и фотоаппараты. Подсвечники и сервизы. Книги и монеты. Драгоценности и булавки.

– Как много всего, – усмехнулся я. – И в то же время нет у вас ничего. – Нет жены, нет детей, нет друзей, нет даже соседей. Только антикварная лавка. Это и есть ваша родина?

– Почему только моя? И только родина? Это целый земной шар, молодой человек. Он для всех. И здесь все века. Здесь цари и слуги. Палачи и жертвы. Гении и ничтожества. Злодеи и герои. Поражения и победы. В этих стенах умещаются все страны и все континенты. Я в некотором роде космополит. И почему весь мир не может быть родиной. А родина миром?

…Я вдруг вспомнил, как год назад встретил своего однокурсника по университету Гарика Вышкина. Было так же дождливо и сыро. Так же по-осеннему муторно, монотонно и плаксиво. Все время хотелось пить, хныкать и жаловаться на судьбу и на страну. Мой однокурсник был свеж, толст, румян и весел. Словно в его мире всегда бушевало лето. И сезоны дождей его не касались. И смены времен года были где угодно, только не в его стране. В его стране возвышался огромный особняк с цветущим садом, регулярные поездки за границу и шикарный лимузин. В его стране, что самое противное, даже нашлось место для философии. Философию он тоже записал в каталог ценных приобретений. Хотя она слишком дешево стоила. Но Гарик об этом не знал. Он давно предпочитал только дорогие вещи. Похоже, и наш разговор он хотел сделать дорогим. И я совершил ошибку. Я это ему позволил. Мне все равно было кому плакать в жилетку. Тем более, если такая перспектива была реальной. Гарик и впрямь носил жилетки, сколько его помню. Сначала он подражал философам-разночинцам. Теперь, похоже, банкирам. И в тон его стандартной, но высокопарной речи о сложности жизни, я шмыгнул носом и так же стандартно, но высокопарно ответил:

– Понимаешь, Гарик, ну как бы тебе объяснить… Ну, словно, когда-то я умел летать. А теперь у меня сломано крыло. Или два крыла. Если бы их было три или четыре, они все равно бы все сломались. Вот так.

Гарик почесал лысую голову.

– Знаешь, – ему-таки в лысую голову пришла гениальная идея, – может быть, тебе влюбиться в кого-нибудь?

– Ну, в общем, я уже люблю, как могу.

Гарик наморщил высокий лоб.

– М-да? Ну, тогда подружись с кем-нибудь.

– У меня есть друг. Это я сам. Мне больше не надо.

Гарик сокрушенно причмокнул толстыми губами. Похоже, мое дело было дрянь.

– Ну, тогда посмотри хороший фильм или почитай хорошую книгу. Ей-богу помогает.

– Все что можно хорошего я уже прочитал и посмотрел. Не помогло.

Гарик сложил руки за спину и медленно прошелся взад-вперед перед моим носом. Он думал, как можно украсить мою никчемную жизнь. Не деньги же взаймы дать! Это было бы мелко. Особенно для философа. А я так тогда нуждался в деньгах. Но Гарик мне не посмел их предложить. А я не посмел одолжить. Гарик резко притормозил. Неужели все же решиться материально помочь товарищу. У меня даже дух захватило. Ведь все было так просто. Ну, ладно, не денег дать. Это и впрямь мелко. Но какую-нибудь достойную работу. И наверняка бы я с другим настроением встретил следующий день. Даже если он будет в тысячу раз дождливей и плаксивей. Какая к черту любовь, дружба и творчество!

– А знаешь, – Гарик понизил голос, встряхнул гордо головой и принял важный вид. Хотя куда уж важнее. В такой жилетке. – Знаешь, вот можешь мне поверить на слово! Не в деньгах счастье! Это я тебе говорю! Я, у кого их много, очень много! Они счастливым не сделают. Ну, вот скажи, что за них можно купить? По сути, по глобальной сути – ничего! Что? Любовь?

Гарик запнулся.

– Ну, ладно. Про любовь не будем. Возможно, это возможно.

Я знал, что у него молодая хорошенькая жена. Он провернул удачную сделку. И этого не скрывал.

– Дружбу? – Гарик развел пухлыми руками. И вновь себя перебил. – Ну, ладно. И про дружбу не будем. Друзья обожают присоседиваться к деньгам.

Я знал, что у Гарика было много друзей. А вот был ли другом для них Гарик? Я сомневался. Но за дружбу он щедро платил.

– Черт! – Гарик начинал злиться. Он не мог вспомнить, чего нельзя купить за деньги. – Вот! Здоровье! Его не купишь! Ни за какие…

Он вновь себя перебил. И высморкался в носовой платок.

– М-да. Конечно, если деньги хорошие…

Я знал, что у Гарика искусственная почка. Его вытащили буквально с того света. В старом свете. За огромные деньги. Он за свою жизнь заплатил высокую цену.

Гарик вновь прошелся взад-вперед перед моим носом. Но уже менее важно. Ему, бывшему студенту философского факультета так не хотелось признаваться, что все на свете можно купить и продать. Что первична таки материя. Базис, а не надстройка. Гарик не хотел проигрывать как философ. Он готов был проиграть, как банкир. Но он забыл, что банкиры редко проигрывают. В отличие от философов. И не сдавался. И с пафосом воскликнул. Так громко, как на митинге.

– Вот! Ни за какие миллионы ты не купишь… Ты не купишь родину! Продать ее, пожалуй, можно. А вот купить… Знаешь, как другу говорю. Полюби по-настоящему родину! Ей сейчас не сладко. А дым отечества нам по-прежнему сладок и приятен. Мы должны думать о ней. А ты как-то совсем уж апатичен и не патриотичен. Это нехорошо. Неправильно это. Нужно любить родину. Полюби ее. Искренне полюби.

И тут я взбесился. Лозунги о родине в устах банкира Гарика переполнили чашу моего терпения. Вспомнился в который раз Достоевский, плюнувший в последнее прибежище негодяев. Вот и Гарик передо мной. Такой толстый, румяный. Такой классный. В такой дорогой жилетке. И белый лимузин за углом. И трехэтажный особняк за городом. И двойное гражданство. Две родины в пиджаке. В каждом кармане по родине. А можно и три, и четыре, и пять. Сколько угодно для него можно иметь родин! Сколько карманов – столько и родин! И он, без пяти минут или пяти миллионов миллионер, и то позволяет себе думать о родине. Беспокоится за нее. Тревожится за ее судьбу. И судьбы опустошенного народа.

После проникновенной речи Гарика слово родина как-то для меня и вовсе утратило смысл.

– Родину?

Я вслед за Гариком почесал голову. Я не был лысым. Я не был толстым. Я был, можно сказать, хорош собой. Если о себе вообще такое говорят. Но в отличие от Гарика, у меня были пустые карманы. И ни одной родины.

– Родина. Я вообще-то когда-то ее потерял. А на другую не хватает наличных. Но если ты имеешь в виду чердак, который я снимаю. И протекающий ржавый кран. И холодные батареи. Или дым от благополучно почившего завода за окном. Представляешь, уму непостижимо! Завод умер, а дым остался. Ну, прямо как дым отечества. Или пень от березки, которую ни за что ни про что срубили. Или полуслепую старушку-соседку с хромой дворнягой, сидящую с протянутой рукой в переходе. Или даже супермаркет, где я служу. И где люди, как муравьи. И все они одинаковы. И все они какие-то безнадежно усталые. И все они не хотят уже ничего. Но покупают, покупают, хотя давно ничего не хотят. Одно и то же покупают. Их так много, много. И словно никого из них уже нет. Или вот-вот не будет. Или даже, если ты имеешь в виду мою Тасю, хорошенькую, кудрявую, румяную. В цветастом халатике и тапочках с мордочкой синего мишки? Ах да, еще разбросанные бигуди на тумбочке и флакончик розового лака у трюмо… Она обожает шуршать по утрам жалкими десятками у моего уха… Конечно, нет повода чтобы повеситься. Но не знаю, стоит ли это любить.

– Черт возьми! – Гарик отчаянно топнул остроносым ботинком с золотой пряжкой. – Ну, тогда возненавидь что-нибудь!

Я с горечью усмехнулся. Не дал-таки, подлец, денег, не дал. Хотя бы, чтобы купить один день. И разориться в этот день окончательно. Я вытер рукавом мокрое от дождя лицо.

– Для того, чтобы уметь ненавидеть, нужно уметь любить. Я разучился. Давно…

Из воспоминаний меня осторожно вывел низкий голос антиквара. Я прослушал, что он говорил. Но подумал, что какой он к чертям космополит. Если его родина умещалась в четыре стены. И до остального мира ему не было дела. Впрочем, не поэтому ли он так долго живет?

– Вещи не изменят, не предадут, не уволят, – продолжал философствовать старик. – Они не упрекают, не требуют, не скандалят. Конечно, они не живые, но кто доказал, что быть живым лучше? Вы согласны? Вижу, не очень. Что ж, попробую доказать. Меня, слава Богу, миновали муки любви, разочарований и нетерпение счастья. И войны проходили меня, и заключения мира. И землетрясения не сотрясали мой дом. И я не дрался на дуэлях. И никто не предавал меня, потому что я не познал дружбы. И мне предавать было некого. Но поверьте, возможно, я прожил самую яркую из всех возможных жизней. Именно потому, что я жил среди вещей, которые принадлежали другим. И именно эти вещи, вобравшие всю информацию, всю героику, все катаклизмы столетий, меня смогли защитить. А вы живете будущим. А оно так страшно, потому что так неизвестно. Я предпочитаю жить тем, что случилось вчера. Прошлое не боится будущего и настоящего. Прошлое вечно. Прошлое – это не надежда на счастье. Это само счастье, которое я могу выбирать.

Я огляделся. Да уж. Пожалуй, в этом он прав. О такой работенке можно только мечтать. Правда, склеп напоминает. Все какое-то мертвое, вычурное, затхлое. Даже если и ценное. И только вещи, вещи, вещи. Но с другой стороны, можно посмотреть на вещи проще. И чем эта антикварная лавка отличается от моего супермаркета? А супермаркет от обычного сельмага, где можно купить все. И зубную щетку, и одежду, и канцтовары. И чем работа старика отличается от моей? Мы охранники. Охранники безмолвных и бездушных предметов. Просто в том месте, где работаю я, мне приходится перетруждаться. Глохнуть от криков покупателей, слепнуть от разноцветных ярких упаковок, задыхаться от огромного пространства, в котором поместятся все. Но нет места для одного человека. И при этом еле сводить концы с концами. И от этого, все чаще слышать упреки Таси, которая все реже открывала рот при моих философ-

ских измышлениях (а я все реже им предавался). И все больше провоцировала меня на скандалы. Где главной темой спора была не диалектика познания бытия (Тася все равно понятия не имела, что это такое), а методичность убывания денег. И, безусловно, неудобство квартирки, которую мы с грехом пополам снимали.

Часто мы работали в ночную смену. Добирались домой под утро, падая от усталости. И тут же засыпали. И просыпался я все чаще от навязчивого, нарочито громкого бормотания Таси. Приоткрывал глаза и видел ее, словно в широкоформатном фильме. Она сидел за столом, в распахнутом цветном халатике и считала деньги. Морщила узкий лобик, вспоминая, сколько мы задолжали за квартиру, сколько за покупку холодильника. Ожидая от меня ответной реакции, стучала кулачком по столу, возмущаясь, что нет денег даже на туфли, а совсем скоро осень. Оборачивалась ко мне, и я тут же закрывал глаза. Она не выдерживала и уже громко орала, что самое страшное в жизни это связать свою жизнь с бухгалтером и философом. До меня у Таси в дружках состоял бухгалтер, чем она очень гордилась. И уже почти забыла, что он был пьяницей, и без зазрения совести пропивал все ее деньги. В этом месте про бухгалтера и философа я не выдерживал и вступал в спор. Помня о своем спорном образовании. И приподнимался на локтях с кровати. Для уточнения вопроса.

– Точнее, Таська, ты связала свою жизнь не с бухгалтером и философом, а с пьяницей и охранником. Это разные вещи.

Таська обиженно надувала пухлые губы.

– Как ты все умеешь опустить, Гришка. Ведь на вещи можно смотреть по-разному. И я к тому же не соврала, назвала вещи своими именами. А зачем залезать в суть вещей? Это удел бухгалтеров и философов. А так…

– А так тебе придется искать третьего. Желательно бухгалтера и философа в одном лице. Тогда бы уж точно все твои мечты сбылись, – я ненавязчиво, полушутя намекал, что нам пора расстаться. К тому же жить в одиночку гораздо легче.

– У меня нет времени на мечты! – Тася вскакивала с места, и, подперев руки в боки, становилась напротив кровати, где по-прежнему возлежал я. – И не надейся, что так просто со мной разбежишься. К тому же выжить вдвоем легче!

У нас с Тасей были разные взгляды на жизнь. И мы были разные. И дело ни в образовании, ни в воспитании. Сейчас это, по большому счету, вообще не имеет значение. Более того, никого не удивит, что самые образованные и самые воспитанные барахтаются на дне. И никто недоуменно не пожмет плечами, увидев невежество и хамство на вершине Олимпа. Ну, может, только олимпийские Боги недоуменно почешут затылок.

Мы с Тасей не барахтались на дне. Слава олимпийским Богам! И не были на верху, и не стремились к этому. Мы вынесли подобным стремлениям приговор. Мы с Тасей болтались где-то в невесомости, даже не посередине, это было бы большим счастьем. Нащупать середину и удержаться на ней, сохраняя равновесие. Это тоже нужно уметь. Мы не умели. Мы просто болтыхались в невесомости. Иногда нас погонял ветер то в одну, то в другую сторону. И мы не сопротивлялись, жалко барахтаясь в воздухе. Сопротивлению мы тоже вынесли приговор. Но мы ужасно уставали. И от невесомости, и друг от друга. И понимали, что друг без друга не сможем. Не потому, что до беспамятства влюблены. Просто нам в одиночку некуда было деться. Тася в этом вопросе оказалась права. И удерживаться в невесомости нам помогало то, что мы держались крепко за руки. В одиночку каждый из нас бы медленно опустился на дно.

И все же мы уставали. И последнее время я стал уставать больше. Иногда мне даже хотелось хоть глазком увидеть дно. И я чаще стал заглядывать на дно рюмки. Таську это страшно злило. Когда я после ночной смены вместо того, чтобы упасть от усталости на кровать, находил в себе силы сидеть за столом и разглядывать пустой, в который раз, бокал. И сил становилось больше. И даже поднималось (как удивительно!) настроение. И даже хотелось (это невероятно!) пофилософствовать. А иногда (что вообще фантастично!) помечтать.

В такие минуты Тася становилась посередине нашей жалкой комнатушки, подперев руки в боки. Ее халатик непременно при этом распахивался (случайно?). Ее лицо искажала плаксивая гримаса (довольно правдоподобно), и ее голос повышался на два тона (халатик почему-то распахивался еще больше).

– Я не хочу жить с пьяницей! Слышишь, не хочу! Я уже это проходила!

И мне так хотелось послать ее к черту и ответить: ну и не живи! И громко хлопнуть на прощанье дверьми, как полагается.

– Если ты помнишь, если ты еще не забыл, он был пьяницей!

– Недавно ты еще говорила, что он был бухгалтером, – вяло защищался я. – У тебя двойные стандарты.

Тася при этом замечании морщила лобик и даже запахивала халатик. И чувство достоинства появлялось во всем ее простеньком облике. Она по-прежнему гордилась, что ее первый парень был счетоводом. Она вообще с линейным трепетом относилась к тем, кто разбирался в разных науках. И я подозревал, что когда мы с ней все-таки разбежимся (быстрее бы!), третьему своему дружку (возможно, он окажется бывшим геологом) она с гордостью будет рассказывать, как жила с настоящим философом. При этом избегая подробностей, что на поверку он был всего лишь охранником жалкого супермаркета.

Я по-настоящему стал уставать от Таси. И все чаще представлял жизнь без нее. Не думаю, что эта жизнь была бы лучше, вряд ли. Просто она бы была другой!

Вряд ли бы меня в этой другой жизни ждало изобретение новой системы идей (с которой я никогда не поделюсь!). Или покорение новой страны (в которую я никого не допущу!). Или случайно найденный клад (который я никогда не верну государству!). Или черноволосая девушка в длинной цветастой юбке с одухотворенным лицом, так похожая на цыганку. С ней мы тоже вряд ли внезапно столкнемся на лесной тропе, посреди бушующей стихии, грома и молний, где я укрою ее своим плащом от холодного ливня или предложу ей зонтик от Гашека. Но я бы непременно только с ней поделился и новыми идеями, и новыми странами, и старым кладом. Но я прагматик, и я философ. Я знаю, что этому не бывать. И все доказательства относительны, как и мечты.

Я прекрасно отдаю себе отчет, что моя жизнь без Таси станет пустой комнатой с голыми стенами и коллекцией пустых бутылок, которая будет все быстрее и быстрее пополняться с каждым днем. А еще унылым пейзажем за окном, в серых, непременно дождливых тонах, разбавленных дымом заводских труб. И только иногда, вечерами, как на выцветшей картине, покрытой в некоторых местах фосфорической краской, моя жизнь будет вспыхивать редкими огнями уличных фонарей и чужих окон. Но в любом случае, это будет другая жизнь! И в любом случае я хочу на нее посмотреть.

Но я понятия тогда не имел, какой окажется моя другая жизнь. И как я прокляну в ней себя и свой случай. И вынесу нам приговор…

Из воспоминания меня вывел хриплый монотонный голос старика.

– Так на чем я остановился?

К счастью, спросил он себя, а не меня. Иначе бы я не ответил, поскольку не слышал ни единого слова из его высокопарной речи. Но на всякий случай сделал вид, что все помню.

– Кажется, вы сказали, что мертвым быть лучше, чем живым. Безопаснее, что ли.

– А кто вам сказал, что вещи мертвы? Может, это мы мертвы для них, молодой человек. Знаете ли, за свою немалую, и не такую уж долгую жизнь (если жизнь вообще можно назвать долгой) я все-таки сумел, можно сказать, нашел мужество понять, что не вещи принадлежат людям, а люди вещам. Точно так же как мы принадлежим природе, стране, Вселенной, если хотите. Я нашел мужество признать, что мы мало чем отличаемся от вещей. То же мучительное рождение, та же легкая или не очень жизнь и такая разная смерть. И мы одинаково изнашива-

емся и одинаково любим или не любим вовсе. Одинаково приручаемся, теряемся в этом мире или просто уходим. Пожалуй, отличие в том, что вещи запросто могут обойтись без людей. А вот люди… Да и жить в отличие от нас они могут вечно. И, как правило, переживают нас, вобрав всю информацию о нашей жизни. Наверное, это называется памятью об ушедших. И я храню эту память.

– И продаете память.

– Опять же, на память. Я, как и все, увы, не вечен, молодой человек. И даже не знаю, вечна ли душа, это уже религия. Но я нашел мужество знать, что есть душа у вещей. Это так же верно, как иметь сердце или не иметь. А сердце – это не обязательно, когда оно бьется.

Старик, сгорбившись, приблизился к старинным напольным часам с кукушкой. Я покорно последовал за ним, как отстающий ученик по истории.

– Слышите? Согласитесь, что удары секундных стрелок мало чем отличаются от сердечных ударов. Эти часы принадлежали матери известного в свое время писателя и революционера Виктора Сержа, кстати, родственника изобретателя Кибальчича, казненного за убийство царя. И сердце матери давно не бьется. Как и сердце самого Сержа. А часы стучат, возможно, даже лучше, звонче, чем прежде, поскольку их усовершенствовал новый век. Но для вас это пустой звук!

– Ну почему же, я помню улицу Кибальчича, – я втянул голову в плечи. Не от старости. От неловкости.

– Безусловно! – торжествовал антиквар. – Вы понятия не имеете, кто такой Кибальчич, кто такой Серж. И уж тем более его бедная матушка! Что ж, цари все убиты. Революции проданы. Писатели отменены. Улицы переименованы. А часы живы! И они выживут! Клянусь! Даю слово чести! Даже если никто на земле не запомнит их знаменитых владельцев.

– Я запомню, – пообещал я. Меня начинал раздражать этот антикварный фанатик.

– Не сомневаюсь, – поверил он мне на слово. – И знаете, как много поживший и повидавший на своем веку. В основном, безусловно, не людей, а вещей. Я все же смею предположить, что вы имеете образование, верно?

– Имею, – ответил я, невольно подражая его тону. – А как вы угадали? – я невольно бросил взгляд на свои порванные кроссовки – еще один повод, чтобы не мокнуть под дождем.

Старик перехватил мой взгляд.

– Угадывают, молодой человек, только невежды и дети. Я себя к их классу не отношу. Я знаю. И дело не только в ваших грамотно выстроенных предложениях, в ненавязчивом умении поддержать разговор, хотя вы предпочитаете думать о другом. И даже не в вашем умном серьезном взгляде, в котором прочитывается порой отчаяние. Возможно, все проще. Ваш шарф… Небрежно заброшенный через плечо…

Я невольно прикоснулся к мягкой ткани длинного, старого шарфа.

– Он, скорее, говорит о вашей богемности или о желании таковой. И ваш блокнот, выглядывающий из кармана…

Я невольно прикоснулся к кожаному потрескавшемуся переплету.

– Он скорее говорит о том, что у вас много мыслей, которые вы не собираетесь хоронить в себе. Вы можете быть и писателем, и художником, и музыкантом. Но это менее правдоподобно. Скорее вы хотели ими стать, но не получилось, поэтому вы выбрали другой путь. Тот, что поможет вникнуть в суть и мира, и творчества, и жизни. Соединить их и дать беспристрастную или, напротив, страстную оценку.

– Вы угадали, – я тут же поправился. – Простите, вы правы. Я философ.

Старик гордо встряхнул седой шевелюрой. Он знал, что всегда прав.

– Не знаю, кем вы теперь служите…

Какое точное слово! Какой проницательный старик! Именно служу – как сторожевая собака.

– Не знаю, но к философии это не имеет отношения, – продолжал антиквар. – Понимаю. Жестокое время, нежелание ему угодить, неумение с ним найти общий язык, верно?

– В общих чертах.

– Именно общие черты дают представление о целостности. Но я, впрочем, о другом. В любом случае, кем вы бы сегодня ни были, вы остаетесь образованным человеком. Образование, как и талант, никуда не исчезает. Это на всю жизнь. Безусловно, они могут на время притихнуть, потухнуть под влиянием обстоятельств. Могут, как характер, испортиться. Но и в любое время по желанию или под влиянием других обстоятельств в любой момент вновь проявят себя. Это действительно навсегда. Как характер. И все же вы, со всей своей философией и образованностью понятие не имели, кто такой Кибальчич.

– К чему вы клоните? – я нахмурился.

– Я просто пытаюсь вам объяснить бесперспективность и одновременно благородство моего труда. Если вы не знаете Моргана или Сержа, то как о таковых могут знать покупатели, особенно те, кто имеет возможность купить. Какое им дело до… К примеру, до этой гитары.

Старик приблизился к гитаре, висящей на стене. И провел по ее струнам длинными пальцами. Одна струна беспомощно свисала вдоль стены. Гитара издала резкий фальшивый звук.

– Это инструмент гусара Федора Потапова, поэта и чудака. А струна лопнула в день его смерти. Видите, гитара знала о его гибели. Сердце ее хозяина лопнуло, стихи позабыты, но память… пусть и с оборванной струной. Старым гитарам идут оборванные струны, вы согласны?

– Пожалуй, – я пожал плечами. Я был равнодушен к гитарам. И к оборванным струнам тем более. Я не очень-то верил в мистику.

– А вот это уже из новой истории, – старик выдвинул ящик комода, которому было лет двести, не меньше. Это было видно с первого взгляда. Мне почему-то подумалось, что этим комодом вполне могла пользоваться Арина Родионовна. Как-то уж очень он был на нее похож своей уютностью. Впрочем, я не знал Арину Родионовну. Мне в отличие от Пушкина не повезло.

Старик вытащил из комода перьевую ручку цвета морской волны со стальным пером.

– И эта история пока не продается. История еще впереди. Этой ручкой писал сам Александр Георгиевич Ржешевский! Опять вижу по глазам, что вам эта фамилия ни о чем не говорит. А это был величайший изобретатель в своем роде. Он первый в мировом кинематографе придумал эмоциональный сценарий. Это было довольно смело! Этакий импрессионизм. Мимолетность чувств и движений. Дыхание и мгновение из-под пера. И, пожалуй, он оказался первым и последним «взволнованным» и фактически невозможным сценаристом. Поскольку эмоции неповторяемы. А в наш прагматичный век просто невозможны. Я мог его знать, но, увы, не знал. Но я бережно храню его память. Эта ручка была в некотором роде для него талисманом. Все, написанное ею было воплощено. А вот сценарий «Бежин луг» сгорел во время войны. И догадываетесь почему?

– Он написан был другим пером.

– Увы, но вы правы. Ржешевский потерял эту ручку. И она чудесным образом попала ко мне. Ею трудно, уверяю вас, очень трудно писать. Она непослушна! Это как орудовать китайскими палочками для непосвященного. Возможно потому, что слушалась она только своего хозяина. Знаете, вещи ведь благодарно служат тем, кого любят. И непременно приносят счастье. А вот в чужих руках они либо молчат, либо могут принести беду. И нужно очень, очень постараться, чтобы вещь вновь заговорила, и вы заслужили ее доверие.

Я перевел дух, словно пробежал стометровку в сорока градусную жару. Избыток информации поднимает температуру, это я понял сегодня. А витиеватые речи с мистическим уклоном, на которые был горазд старик, нарушают ритм дыхания. Мне захотелось на улицу. Мне захотелось воздуха. Мне захотелось оказаться вне этого затхлого мира вещей. Мне захотелось,

как никогда, свободы. Я уже начинал понимать ее свежий смысл. Но на свободе по-прежнему бушевала бессмысленная стихия. Хотя воздух, наверняка был свеж как никогда.

И словно из могилы вновь раздался густой бас антиквара:

– Или какое дело этим расчетливым покупателям до…к примеру, до… – он обвел взглядом свой храм из вещей, – допустим, к примеру, до этого парика.

Он поднялся на цыпочки и снял с гвоздя комплект для старости: седой парик, седые усы, седые брови.

– Какое им дело, что в этом камуфляже свою лучшую роль Старика в «Старике» Горького исполнил величайший артист Павел Гайдебуров. О, этот спектакль стал событием для всей страны! Вы только представьте, молодой человек, этот Старик – воплощение зла, ничтожности, корысти…

Антиквар сгорбился еще больше, в его болотных глазах появился хищный блеск, его губы скривились в презрительной усмешке. Он протянул дрожащие руки ко мне.

Я вздрогнул. И резко отпрянул. В комнате стало еще темнее. Но антиквар по-прежнему не включал свет.

– Этот старик испытывал истинное наслаждение от унижений других, – зловеще прошептал антиквар.

Я попятился к двери, шаря руками в поисках выключателя.

Антиквар неожиданно расхохотался.

– Бросьте! Это всего лишь игра! Но сыграть как Гайдебуров мне не под силу. Хоть я тоже старик. И не под силу никакому смертному. Через обнажение фанатичной злобы старика Гайдебуров-артист сумел утвердить добро и человечность. Он сумел! Артист победил своего персонажа! Но не раз повторял (антиквар понизил голос до шепота): «Будьте бдительны, люди! Среди вас бродит Старик в каком-то вам неведомом обличье, но непременно обманчивом и лживом!..».

Мне не на шутку надоела эта бессмысленная игра. Этот салютующий фарс. Этот театр мистического абсурда. Черт с ней, с бурей! Черт с моими промокшими кроссовками. Черт с моей простудой, которую я наверняка подхвачу. Черт с моим начальником, который наверняка этой простуды мне не простит и вышвырнет на улицу. Вновь под бурю. И черт с Тасей, которая меня запилит окончательно. Да, эти перспективы были незаманчивыми. Но они были реальными! А мне в этом загробном мире, который соорудил старик, так не хватало реальности. Даже если она была чертовски непривлекательна. Старик меня поймет. Похоже, про черта он все знает. И я решительно двинулся к выходу.

И меня остановил голос антиквара. На сей раз, он был приторно-ласковым. Словно мне насильно запихнули в рот сладкую ириску в тот момент, когда я ожидал горькую пилюлю.

– Ну, куда же вы, молодой человек! Ай-ай-ай! Как нехорошо получается. Грош цена мне как хозяину. И чаем не потчивал, и тульским пряником не угостил. А на улице-то, улице, сыро и зябко. И одна вода. Под ногами вода, с неба вода, в лицо вода. А у меня-то, тепло, уютно. И много чего интересного узнать можно. Вот хотя бы про того же гайдебуровского старика. Где вы еще про него узнаете? И разве у вас выпадет в жизни шанс перевоплотиться в него? Нет, не выпадет, уж мне-то поверьте. А шансы нельзя упускать, молодой человек. Шансы не повторяемы. Ну, же, не бойтесь, подойдите поближе. Ну же…

Я, как околдованный, медленно приблизился к старику. Я отчетливо понимал, что его слова гипнотически воздействуют на мое сознание, на мою волю. Но почему-то не мог сопротивляться.

Старик опустил руку на мое плечо. И я машинально бухнулся на стул.

– Примерьте, примерьте, не смущайтесь. Вы почувствуете, вы должны почувствовать силу великого артиста, его мощь, его умение проживать десятки чужих жизней. И при этом оставаться собой.

Я не успел опомниться, как старик ловко натянул на мои стриженые волосы парик, приклеил усы и брови. И подвел меня к зеркалу.

– Вот, взгляните! – он торжественно взмахнул рукой. Словно был на сцене.

Я вздрогнул.

В зеркале отображался антиквар. Нет, все было гораздо невероятней и пугающе. В зеркале отображались похожих, как две капли воды, два человека. Два антиквара. Одного роста, одного телосложения, с абсолютно одинаковым лицом. Единственное отличие – я не сутулился. Но это такая мелочь. И я невольно сгорбил плечи. Вот и все. И как просто. Чтобы навсегда утратить свою индивидуальность. Как легко. Превратиться в другого человека. Которого встретил лишь час назад, совершенно случайно. И сколько таких потенциальных двойников ходит по улицам, не подозревая о своей похожести, о своей одинаковости. Интересно, насколько похожи их судьбы? И интересно, этот актер, Гайдебуров, кажется? Какая сложная фамилия. Выговорить невозможно. Интересно, был ли он тоже похож на нас в этом гриме? Или все же ему удалось сохранить собственную неповторимость? В отличие от меня.

– Удивительно, – протянул антиквар. – Мы так похожи. Не хочу вас обижать, вы же гораздо моложе меня. Но все-таки… Знаете, если вы когда-нибудь желали увидеть себя в старости, ваше желание сегодня сбылось.

– Я подобного никогда не желал, – резко ответил я. – Мне безразлично, каким я буду в старости. И будет ли у меня старость вообще. Но в любом случае, бороду я никогда не отпущу, это точно.

– Как можно быть точным на много лет вперед? – усмехнулся старик. – Старость, поверьте молодой человек, не самое приятное состояние. Я это знаю, вернее, уже знаю. И в старости зачастую приходится выбирать: или лицо, исполосованное морщинами, или седая борода. И то, и другое – показатель мудрости, но никак не шика. Я выбрал второе. И как знать, что выберете вы…Впрочем, вы правы в одном, нам не дано знать, станем ли мы вообще перед выбором.

Почему мы? Антиквар уже давно этот выбор сделал. Интересно, подумал я, а артисту это удалось? Если да, что он выбрал? И был ли он все-таки похож на нас в этом гриме?

– Гайдебуров был совсем другим, – ответил на мой немой вопрос старик, словно легко прочитал мои мысли. – И ростом ниже, и фигурой не так складен. Да и нос у него был орлиный. Парик и борода не дают гарантии похожести всех. Он совсем не был похожим на нас, он был менее красивым, что ли. Но более выразительным. У нас с вами стандартные лица. Классические, можно сказать. Но, поверьте, классические лица менее ценны. Потому что их сложно запомнить, во всяком случае, с первого взгляда. Госстандарт хорош только в быту.

Вообще меня начинал раздражать этот антиквар. И его мудрость, и его откровенность. И его похожесть на меня, и его умение читать не просто мысли, но и профессию, и характер. И я с надеждой бросил взгляд за окно.

Надежды разбили струи дождя, который только усилился. Он хлестал по окнам с такой силой, что казалось, их разобьет вдребезги. И потоки воды хлынут в антикварную лавку и затопят ее вместе с нами. Я даже представил, как старинные вещи будут плавать, словно детские игрушки в ванночке. И ничто их уже не спасет. Ни история, ни историки, ни попытки старика ее сохранить.

И я предпринял вторую попытку уйти. Я шел уверенно, бодро, словно сегодня тоже встал перед выбором. И мой выбор был мой в пользу дождя, чтобы спастись. От чего? На этот вопрос я не мог себе ответить. Как всегда ответил старик. Мне нужно было уносить ноги, я это чувствовал. Мне не нужно было слушать, что он скажет, а сбежать, захлопнув плотно за собой дверь. Но я у двери притормозил. И прислушался к хрипловатому голосу.

– Вы промочите ноги. В такой рваной обуви.

– Я могу пойти босиком, – решил я не сдаваться.

– Безусловно, я могу вам предложить сапоги самого Наполеона. Впрочем, возможно, и не Наполеона, а его слуги. Император терпеть не мог новую обувь. И поначалу ее снашивал слуга. Возможно, иногда и не возвращал. И такое бывало. Но какая разница? Император или слуга? Время уничтожает сословия. А история ценит рабов не меньше, чем их хозяев. В любом случае, сапоги вам не по карману. Ни императора, ни его слуги.

– Вы имеете привычку шарить в чужих карманах?

– Мне нет необходимости это делать. Сразу видно, что они пусты.

– А вы не допускаете, что я эксцентричный миллионер? Которого уже тошнит от дорогих шмоток. И стиль маленького бродяги милее.

– В нашей стране эксцентричных миллионеров не бывает. Игру в маленьких бродяг они не понимают. Они всегда будут предпочитать все по-царски дорогое и по-мещански безвкусное. Вот поэтому в мою лавку они и не заглядывают. К тому же вы не сняли парик.

Я машинально дернул себя за бороду. Но она надежно была укреплена, как и усы.

Не знаю, когда у меня мелькнула эта мысль. То ли когда я обернулся и посмотрел на старика. Мы смотрели друг на друга, словно в зеркало. И я не мог понять, кто из нас зеркало, я или он? И кто настоящий. И тогда я увидел в нем эксцентричного миллионера. В фетровой синей беретке, хлопковом мятом пиджаке и широких пожеванных штанах. У меня не было беретки, но пожеванные штаны и рубашка совпадали. Так почему же я все-таки не похож на эксцентричного миллионера? Не хватает уверенности в себе? Или слишком отчаянный взгляд?

А, возможно, эта мысль у меня промелькнула, когда я вновь обернулся на дождь. И со страхом подумал, что до дому мне так далеко. И денег на такси нет. И кроссовки мои дырявые. И где-то маячит начальник, размахивая кулаком. В любом случае эта мысль молнией пронеслась у меня в голове. И раздался настоящий раскат грома. Я вздрогнул от неожиданности. И подумал, почему бы мне не одолжить денег у старика? Конечно, я быстро вернуть не смогу. Но… Почему бы старику их не дать мне надолго? В конце концов, за одну вещь он может прожить полгода. В худшем случае. В лучшем – гораздо дольше. И я загадал, если он мне их даст, все у меня будет хорошо. Если нет… Я не успел подумать, что будет в другом случае. Или побоялся. Но сознательно или бессознательно мои слова опередили мои мысли.

– Вы не могли бы мне одолжить некоторую сумму? – выпалил на одном дыхании я.

И вновь раздался грохот грома. И я не услышал ответ. И торопливо продолжил.

– Это ненадолго. К тому же я обязательно отдам. Я очень щепетилен в этом вопросе. И порядочен. И я сам ненавижу брать в долг и презираю людей, кто берет. Но сами понимаете, сейчас такие обстоятельства, что оставаться щепетильным и порядочным слишком большая роскошь, а в некотором роде и риск. Для жизни. А мне бы хотелось все же стать перед выбором: морщины или борода. Вы понимаете?

Я говорил торопливо, с каким-то швейцарским, то ли лакейским акцентом, глотая слова. Мои глаза лихорадочно блестели, руки слегка дрожали. Я чувствовал, как у меня поднималась температура. Какая ирония судьбы. Я спрятался здесь, чтобы не заболеть. Но, похоже, именно здесь заболевать начинаю. А лекарства нынче такие дорогие. Неизвестно, но возможно, что дождь пошел бы на пользу, словно холодный душ, и я бы смог только закалиться. Как мы несовершенны. Как не умеем делать правильный выбор. И, как правило, выбираем самое легкое и безопасное. И не угадываем, где поджидает нас опасность, а где спасение.

И третий раскат грома. Тишина. И внятный голос старика. Мне показалось, он даже не хрипел. Голос звонкий, ясный, почти молодой. Впрочем, это такое короткое слово, чтобы определить какой голос:

– Нет.

– Но почему? Почему, черт побери!

– Вы кстати упомянули черта, – усмехнулся старик. – Именно он теперь прыгает в ваших глазах. Еще маленький. Но все равно чертик.

– Почему, – я попытался взять себя в руки. Но руки слишком дрожали, чтобы возможно было себя в руки взять.

– Вы должны успокоиться, молодой человек! О, я вижу, вы дрожите. Похоже, у вас поднимается температура. Как это дурно. В гостях и заболеть. Неужели я такой нерадушный хозяин. Ну что ж, попытаюсь исправить эту ошибку. Знаете ли, я не люблю ошибаться. Горячий чай с медом, смею надеяться, спасет эту столь щепетильную ситуацию.

Старик скрылся в подсобке, там, где была его кухня. Я слышал какие-то шорохи, стуки, шипение, звон посуды. Я прикрыл глаза. Но ни о чем больше не думал. Мне было плохо. Моя голова была пуста, как волейбольный мяч. И в нее ударялись только посторонние звуки из кухни.

– Вот! – торжественный голос старика вывел меня из дремы.

Я открыл глаза и увидел перед собой толстый, фаянсовый самовар. Из душничка размеренно и важно шел пар. Старик аккуратно взгромоздил на конфорку самовара маленький, расписанный золотом, чайничек. И поставил перед моим носом такую же золотистую чашку с блюдцем.

– Мы вас сейчас быстро вылечим, – уверенно заявил он. – Знаете ли, чаепитие это не просто ритуал семейного быта, – старик разлил ароматный чай по чашкам. – Это гораздо глубже. Это философия. Это гармония. И это нравственное здоровье. А вы пейте, пейте. Прямо из блюдца. Так вкуснее. И вы, возможно, тогда поймете меня. Кстати, именно этот самовар был изображен на картине Кустодиева «Купчиха за чаем».

Я нахмурился. Мне было не до Кустодиева и тем более до какой-то купчихи. Судя по ее румяной толстой здоровой физиономии, она в деньгах не нуждалась. В моей голове настойчиво крутилась, как белка в колесе, одна мысль. Во что бы то ни стало взять у старика в долг. Мне позарез были нужны деньги.

– Кстати, я тоже слишком щепетилен и порядочен, чтобы никому в долг не давать, – старик шумно хлебнул из блюдца – Я живу прошлым. Я им дышу. Оно мое настоящее и мое будущее, как ни парадоксально это звучит. В моем прошлом презирают должников. Я не люблю презирать. Я слишком считаю себя порядочным человеком, чтобы во мне поселилось такое непорядочное чувство, как презрение. И я себя от подобного чувства оберегаю.

– А для чувства жалости тоже считаете себя слишком порядочным? – выпалил я, так и не притронувшись к чаю.

– Смотря к кому. К другим или себе? Себя жалеть это уже не просто непорядочность, а невежество и падение. Вы же упасть не желаете? Вы для подобного желания слишком умны.

Умен. Я облизал пересохшие губы. Еще как умен. Дрожащими руками я попытался закурить сигарету, но, перехватив взгляд старика, тут же спрятал руки в карманы штанов. Лицо мое по-прежнему пылало. Ноги подкашивались. Перед глазами поплыли мутные круги. Мне казалось, что я сейчас рухну. Я все списал на температуру, на болезнь, которая меня настигла именно здесь, где не было дождя. Я не хотел признаваться себе, что физическое недомогание всего лишь самозащита, вернее, защита от моих преступных мыслей, подсознательных желаний. Или их результат.

И словно из склепа раздался приглушенный голос антиквара.

– Что такое деньги, молодой человек? Жалкие бумажки, не более. А в моих руках вечность! Разве я вам могу одолжить вечность! И как вы мне ее будете возвращать? Днями, годами, веками? О, нет! Это просто невозможно! Я прожил не одну жизнь, молодой человек! Потому что в моих руках были эти вещи! Я мог с ними разговаривать, спорить. Мог выбросить на помойку и сжечь. А мог просто продать! Все было в моей власти. Я создал общество этих вещей! И сам стал этим обществом! Его президентом и его народом. Его палачом и его благодетелем! Его преступником и его судьей! И идея этого общества – я сам! Великолепная идея…

Лицо старика исказилось, глазки сузились, голос понизился до зловещего шепота.

– Что такое люди? Ничто! Потенциальный прах! Существа, совершающие сделку с землей. Они пользуются благами земли в рассрочку. Пока живут. А потом их земля забирает. Превращает в удобрения. Для новых потенциальных смертников, разве не так? Даже гении, подумайте, даже гении! Кто они! Та же толпа! Пусть не такая многочисленная, ну и что? Удобрение для истории! Толпа гениев! Которые всего лишь являются инструментом для создания шедевров, орудием для сотворения вечности! Которой могу обладать лишь я! И только вещи ни от кого не зависят! И земля не в силах их уничтожить! Как и породить! Они творение рук человеческих, человеческого ума и таланта. И пусть не моего! Но я сумел возвыситься над людьми благодаря их вещам! Пусть я не написал ни одного стихотворения, не изобрел летательный аппарат и не совершил подвига! Мне это не нужно! Это сделали за меня другие! И неплохо, скажу я вам, сделали! Что ж. Слава им. И вечный покой им. Земля щедрая. Она нам еще подарит гениев и героев. Она хорошо удобряется.

В моих висках пульсировало. Мне казалось, удары слышны на всю комнату. Он просто сумасшедший. Просто сумасшедший. Нет, пожалуй, хуже. Сочетание безудержного безумия и рассчитанной логики. Это редко и это невероятно. А он утверждал, что не гений. Поторопился с выводами. Я не видел, как играл артист Гайдебуров. И возможно ли сыграть такое. Чем был этот, сидящий передо мной старик.

– А вы пейте, пейте чаек. Ароматный, с листиком мяты, прямо от купчихи Кустодиева, – голос старика резко изменился, стал ласковый, нежный, добрый. Не голос, а голосок. Не вой ветра, а журчание ручейка.

Я зажмурил глаза. И почему-то залпом выпил остывший чай, как водку. Только бы он от меня отделался. И вдруг почувствовал острую боль. От боли открыл глаза. Кровоточил палец. Видимо я порезался о треснутую чашку. Даром ей столько лет! Но мутные пятна исчезли. И комната предстала в таком ярком, отчетливом цвете, словно только что здесь прошел дождь. И мне показалось, что все это ненастоящее. Это бутафория, декорации, сцена. И эти парики, и пистолеты, и ручки с позолоченным пером, и пожелтевшие книги, и дырявые зонтики. Все это не история, а подделка под нее, и не стоит принимать это за истину, и не стоит воспринимать это серьезно. Если это всего – лишь кукольный театр, в котором вещи всего лишь маленькие модели больших вещей. Мне показалась, что комната покачнулась, словно палуба корабля. И Ярослав Гашек резко хлопнул дырявым зонтиком и мне подмигнул. И я услышал скрип стального пера по бумаге – это записывал свои эмоции Ржешевский. И Виктор Серж старательно заводил ключом часы своей матери. И Наполеон шагал взад-вперед, разнашивая новые сапоги. И Кустодиев шумно прихлебывал чай с треснувшей чашки. И всхлипнула гитара – гусар Потапов сыграл на оборванной струне. И Морган ловко подбросил мяч в виде глобуса в воздух, словно подбросил целый мир. Почему я решил, что это они? Ведь я не знал их в лицо, даже не видел на фотографии, даже не слышал их словесного описания.

Впрочем, это не важно, разве это всего лишь не кукольные персонажи, живущие в мире кукольных вещей, на сцене кукольного театра. Который, возможно, когда-нибудь назовут историей. И бородатый антиквар в центре лавки всего лишь копия актера Гайдебурова, кукольный персонаж, сделанный наверняка из папье-маше. Стоит слегка на него надавить, он поломается или рассыплется, словно и не было старика. И мне вдруг захотелось это, во что бы то ни стоило, доказать. Морган понял меня и как заправский волейболист подал мяч. Я ловко его поймал и запустил в старика. Больше я ничего не помнил. Вещи поплыли перед моими глазами. Палуба качнулась сильнее. И мне казалось я тону в море вещей. Я стал размахивать руками, словно пытался удержаться на месте. Я не знаю, сколько прошло времени с тех пор, как я потерял сознание. Наверно, очень мало. Какие-то доли минуты. Потому что, когда я очнулся, я еще стоял на ногах. Ноги были ватными и я слегка покачивался. Странно, я даже не упал. Возможно, меня поддержал антиквар?

Мой взгляд забегал в поисках старика. Но его нигде не было. Я сделал робкие шаги. Ноги дрожали. Я споткнулся о что-то тяжелое. И опустил глаза. И увидел его. Он лежал в неестественной позе, раскинув руки в стороны. В некоторых местах его седые волосы были окрашены в ярко красный цвет. Это так пугающе выглядело, словно на черно белом экране вдруг появились яркие краски. У его головы лежал мяч в виде глобуса, который когда-то подарили Моргану за выдающиеся заслуги. Мог ли Морган предположить, что этот мяч станет орудием убийства. Убийство. Это слово зазвенело у меня в ушах. И я вздрогнул. И оглянулся, словно хотел обратиться за помощью к Моргану. Или, на худой конец, к Гашеку. Но комната была пуста. Только вещи. Все остальные были мертвы. В том числе и старик антиквар.

Я машинально поднял мяч с пола. Он был очень тяжелым. И на нем вмещалась вся наша планета. Неужели наша планета так тяжела? И неужели вот этими континентами, горами и реками можно убить человека. Еще как можно. На нашей планете ежесекундно совершаются убийства. И наша планета уже сама представляет собой просто кладбище. Или удобрение для вечности. И на этом круглом мяче в виде глобуса не обозначаются могилы. И убийство старика тоже не будет отмечено. Потому что это никому не интересно. И потому что о нем никто не знает. Кроме меня. И, надеюсь, никто не узнает. Кроме меня. Ведь у меня не было даже мотивов для убийства.

Мотивы. О мотивах я подумал потом. Осознавал ли я их в момент убийства? Или это просто была высокая температура? Болезнь, которая внезапно свалилась на меня. И реальность, которую я уже никогда не смогу доказать. Потому что не было свидетелей. Кроме кукольных персонажей. Кроме вещей, принадлежавших истории. Кроме людей, принадлежавших истории, и которые давно этой историей похоронены. Но история не свидетель, и актеры не свидетели тоже. И мертвецы подавно.

Безусловно, первая мысль, посетившая меня, была вполне благородна. Позвонить в милицию. И сдаться на милость правосудия. Но почему я сразу не бросился к телефону? Почему лихорадочно в эту секунду не набираю номер? Почему я стою как истукан, вглядываясь в безжизненное тело? И у меня хватает даже ума открыть шкаф и переодеться в старика. Неужели я играл в благородство перед самим собой, поскольку никогда не считал себя негодяем? Неблагородная игра. И судьба словно решила испытать меня на прочность. И дала шанс доказать, что я не законченный негодяй. И уж тем более не расчетливый убийца.

Раздался громкий стук в дверь. Я вздрогнул и успел подумать, почему стучат, разве дверь не открыта? И успел подумать, почему к старику так долго не шли посетители? Впрочем, так долго шел дождь. На полу валялась фетровая беретка. И я машинально ее нацепил на голову. Мне кажется, что машинально. Ну, не мог я тогда все продумать, просто не мог! Не в моих это правилах. Скорее всего, это была испуганная реакция на приход гостей. Чужих гостей. В чужой дом.

Я приблизился к выходу и за стеклянной дверью отчетливо увидел фигуру человека в милицейской форме. Странно, я ведь совсем недавно убил. И тело, еще не остывшее, со сгустками крови в седых волосах лежит за старинным дубовым столом. А милиционер уже на пороге. Это просто невероятно. Что ж. Я даже облегченно вздохнул. Мне останется только протянуть руки. И щелкнут наручники. Мне останется только выступить на суде. И рассказать про свою внезапную болезнь. Мне останется только провести оставшуюся жизнь за решеткой. Потому что про болезнь никто не поверит. Впрочем, все последнее время разве моя жизнь не была за решеткой? Просто не были заперты двери. И я в любой момент по доброй воле мог выйти. И все равно возвратиться за решетку. По доброй воле. Похоже, мне суждено умереть благородным. И я резко распахнул двери и протянул навстречу гостю руки. Для наручников.

– Здравствуйте, дорогой! – с порога весело закричал милиционер, крепко пожимая мои протянутые руки. – А я уже волновался. Думал, чего бы не случилось.

– А что должно было случиться, – машинально прохрипел осипшим голосом я. Все же, похоже, я умудрился простыть. Моя болезнь была вполне реальна.

– У вас так долго висела эта табличка! – он протянул мне табличку с надписью «закрыто». – Вы так надолго никогда не закрывались.

Только теперь до меня стало доходить, что меня приняли за антиквара. Приняли безапелляционно, наверняка. Я схватился за голову. Конечно, этот седой парик. Эта седая борода. Мне даже показалось, что мое лицо исполосовано морщинами. От прожитого шока.

Стоит только все снять с лица. И отшвырнуть в сторону. И протянуть руки для наручников. И рассказать про болезнь. Уже появился шанс, что мне поверят. Ведь мой голос изменен до неузнаваемости от простуды.

– Боже, вы простыли! – милиционер приложил холодную ладонь к моему лбу. – Да вы просто горите! Теперь все понятно! Вам срочно нужно в постель, дорогой Аристарх Модестович!

Ну вот. Наконец, я узнал, как зовут старика. И если поначалу у меня были силы вот так, с ходу раскрыть все карты, то с приобретением имени антиквара, свои карты я почему-то решил приберечь. Никогда не поздно признаться. Тем более, я действительно болен и просто не осилю признание, и тем более допрос. Хотя у меня появились шансы на смягчение приговора. Ведь я был болен. И есть даже свидетель этой болезни. Веселый курносый милиционер.

– Дорогой Аристарх Модестович, – не унимался милиционер. – Давайте я вас уложу, что-нибудь приготовлю горяченького.

Он бережно взял меня под локоть и легонько подтолкнул вперед.

Милиционер действительно неплохо относился к антиквару. Видимо, они были давние друзья, что усложняло дело. Даже называл его «дорогой». Старое обращение, теперь уже такое редкое. Оно подчеркивало уважение к старику. Впрочем, этот парень в милицейской форме и так был вполне приятен и дружелюбен. Веснушчатый, лопоухий, рыжеволосый. Он все время улыбался, и его светлые глаза лукаво светились. Но его дружелюбие было не в мою пользу. И уже не в пользу старика. И мне необходимо было срочно избавиться от непрошенного гостя. За противоположным углом стола лежало бездыханное тело антиквара. Я осторожно освободился из сильных рук милиционера.

– Спасибо, – пробормотал я. И чихнул. Вот теперь я должен решить. Правосудие само пришло ко мне в руки. И, возможно, это судьба. Мне даже не нужно звонить в милицию. Милиция есть. И если начинать признание, то лучше всего начинать с этого парня. Но я не знал с чего начинать. Я ни разу не совершал преступление. И я уже собирался выложить карты на стол. Но милиционер меня опередил.

– Боже! – он всплеснул руками. – Мне нужно бежать. Я попросил подменить меня только на десять минут. Так за вас волновался! А на дороге такое движение!

– На дороге? – удивленно переспросил я.

– Ну да! Сегодня же пятница! Машин, как тараканов! И такие пробки, что пришлось отключить светофор! Вот и приходится лавировать между ними, как жонглер со своей палочкой, – он ловко взмахнул полосатой палочкой регулировщика.

Ну конечно! Как я сразу не догадался! Это же просто регулировщик! Впрочем, откуда мне было знать. Я не сталкивался за свою жизнь ни с милиционерами, ни с регулировщиками. И с какой стати я должен признаваться перед ГАИ? Я правила уличного движения не нарушал. И я вновь проворно спрятал свои карты в рукав. Успокаивая себя тем, что в любой момент могу позвонить в милицию.

– И куда они все едут? – во весь рот улыбнулся лопоухий регулировщик.

– На дачу, наверно, – уже более спокойно ответил я. И даже улыбнулся в ответ.

Я стал приходить в себя. И слово дача как-то возвратила меня на землю. Настолько все показалось бытовым, правильным, приземленным. Автомобилисты после работы спешат на

дачу. А их жены, раздраженные и ворчливые, ругают «пробки» на дорогах, выглядывая из-за заполненных всякой провизией, пакетов. Да, еще наверняка где-то на заднем сидении примостилась болонка с красным бантом и мальчик, непременно с бутылкой лимонада в руках. От этой простой, мещанской, прямо как у Кустодиева, картинки у меня даже упала температура.

– В такой-то дождь! Делать им больше нечего. Смотрели бы телевизор!

– Да там смотреть нечего. Вот они и едут. Но все равно будут смотреть телевизор на даче.

– И это верно! А я вижу вам лучше, дорогой Аристарх Модестович! И слава Богу! Только кончится моя смена, я к вам забегу! Может, лекарство какое купить? Сейчас так много новейших продуктивных препаратов…

– Нет, нет, не стоит беспокоиться! – слишком поспешно ответил я, подталкивая его ненавязчиво к двери. Так и не решив, как мне его называть, на «ты» или на «вы». И стараясь избегать местоимений. – Безмерное спасибо за заботу. Но, ей-богу, у меня все есть.

– Надеюсь, не с прошлого века! – хохотнул регулировщик, довольный своей шуткой.

Я, совсем осмелев, даже похлопал его дружески по плечу.

– Шутник. Но мне действительно лучше. Вот выпью аспирин, старое проверенное средство. И сразу – в постель. Мне понадобится много часов хорошего сна.

Мы пожали друг другу руки, и парень выскочил за дверь, плотно ее закрыв. И поправил табличку с надписью «закрыто».

Все. Я облегченно вдохнул. И повернул ключ в замке. Я закрыт для всех. В том числе и для дождя, который вновь усилился. И для молнии, которой меня не обжечь. Мне стало легче. Похоже, действительно спала температура. Я огляделся.

Тело по-прежнему лежало на полу. Впрочем, о чем я? Мертвые не уходят. И просто так не исчезают. Я побродил по комнате, заглядывая в каждый угол. Кухня. Полыхающий камин, в который я сообразил бросить свою одежду. Маленькая комната с диваном. Да, скромно жил старичок. Хотя в самой лавке навязчиво пахло миллионами. И вечностью, которой он так бахвалился. Что же делать, что делать… Мне нужно избавиться от тела. Впрочем, сознательно я об этом не думал. Я просто надеялся на чудо. Если чудо не произойдет. Что ж…

Не успел я подумать, что же будет без чуда, как увидел в дальнем углу лавки пошарпанную, перекошенную дверь. Я осторожно ее приоткрыл. В ноздри ударил запах сырости и соленых огурцов. Похоже, подвал. Да, и длинная лестница. Глубокий, очень глубокий подвал. Вот все и решилось. У меня было такое ощущение, что мертвый старик сам побыстрее хочет туда, вниз, где пахнет кислой влажностью и вечной ночью. А, может, я просто себя успокаивал. Мертвые уже ничего не хотят. И им все равно где лежать.

Я потащил старика по лестнице. Как ни странно, мне не было тяжело. Наверное, страх придавал силы. Страх сильнее любой непосильной работы. И мне казалось, время пролетело легко и мгновенно. Наконец, я опустил тело на бетонный пол. И только тогда отдышался. И вытер рукавом мокрый от пота лоб. И только тогда понял, что в подвале кромешный мрак. Я не знаю, что мог здесь прятать старик. И вряд ли он мариновал огурцы, хотя по-прежнему в нос бил кислый запах. Мне стало жутко. И я бросился вверх по лестнице. Но ноги меня плохо слушались. И подниматься было ужасно тяжело, хотя я был без груза. И время тянулось так медленно, словно кто-то нарочно все время переводил стрелки назад. Вот и все. А был ли мальчик? Так, кажется, написал Горький. И почему он не написал: «А был ли старик?» Которого когда-то сыграл Гайдебуров. Злой, злой старик со змеиными, вкрадчивыми жестами. И хитрым взглядом исподлобья. Так было бы справедливее, и точнее, и милосерднее. Когда-то умер и до сих пор – слава Богу! О чем это я? Или это температура?

Наконец я выбрался на свет божий, и мне стало чуточку спокойнее. Хотя по-прежнему плохо соображал. Единственная мысль, занимавшая меня в эти мгновения – была мысль о собственном спасении. Меня даже не успели замучить угрызения совести. Поскольку об убийстве я не думал, как о реальном, свершившемся факте. Мне снова и снова казалось – это всего лишь

спектакль, в котором я играю роль безумца. Не умеющего контролировать свои действия. И не имевшего даже мотивов для убийства. Я играл свою роль почти по-гайдебуровски. А, возможно, и лучше, и натуральнее. Хотя еще утром понятия не имел, кто такой Гайдебуров. Да что утром. Я узнал о его существовании только несколько часов назад, когда сыпал проливной дождь и бушевал ветер.

Я машинально поправил фетровую черную беретку. И зачем он ее дома носил? Разве дома носят головные уборы. Мне это в новинку. Но почему-то решил берет не снимать. Я взглянул на себя в зеркало. Седой парик, приклеенные усы и борода. Я увидел лицо антиквара. Даже морщины проглядывали на лице, видимо, от шока. Я был копией старика. И беретка старика мне удивительно подходила. Причины убийства, как мозаика, сложились в единый мотив. Очень простой мотив, наверняка тысячу раз прописанный в учебниках по криминалистике и книжках Достоевского. Корыстный мотив. И все же, еще по инерции благородного человека, я пытался себе доказать, что не смогу скрывать долго убийство. Просто не сумею. Потому что меня замучают угрызения совести, и по ночам мне будет являться седой антиквар. Без беретки. И диалоги с чужими людьми будут мне причинять боль. И слова, предназначенные антиквару, будут бить по моей голове посильнее, чем удары мяча в виде глобуса. Я даже не смогу просто пить чай.

Впрочем, я настолько устал, что уже ни о чем не мог думать. Глаза слипались, ноги подкашивались. И хотя, как заученный мотив, я продолжал бубнить: убил человека, я убил человека, меня не покидало странное чувство, почти убеждение, что я никого не убивал. Потому что просто не мог убить! Иначе это был бы не я. Это всего лишь какое-то недоразумение, фарс, игра. Во время которой я просто сильнее, чем нужно, метнул волейбольным мечом. И попал… В кого угодно, но не в человека. В манекен, куклу, в худшем случае – пародию на человека или персонажа из давно забытой истории. С этим убеждением я уснул, как убитый, хотя это сравнение было не к месту. Правда, погружаясь в глубокий сон, я успел подумать, что в отличие от убитого, мне придется проснуться. И я уже не знал, радоваться ли этому обстоятельству. А дождь и буря, похоже, утихли.

Проснулся я от громкого стука, словно стучали по моей голове. Это было бы справедливее. Но все было проще. Стучали в дверь. Схватившись за больную голову, я пошел открывать. За этот маленький путь от кожаного дивана до двери, который я проделал неровным от слабости шагом, я успел вспомнить, что было вчера. И успел этому не поверить. Но успел сообразить, что это свершившийся факт.

Я распахнул двери. Вместе с солнечным прохладным утром и осенним прохладным ветром в антикварную лавку ворвалась маленькая старушка. Довольно экстравагантного вида. В черном просторном пальто до пят, черных остроносых ботинках. Ее седые волосы, уложенные в прическу «каре», еле прикрывала косынка, завязанная на затылке. Гостья напоминала нечто среднее между старухой Шапокляк и бывшей нэпманши из богемы. В целом я оказался прав. Она была приблизительно и то, и другое.

Не дав мне раскрыть рот и едва взглянув в мою сторону, старушка живенько затараторила:

– Ох, Аристарх Модестович! Сколько я вас предупреждала! Сколько умоляла! Сколько беспрекословных доводов приводила! И все впустую! Все, все в пустую! Вам хоть кол на голове чеши! Осел вы, вот вы кто!

Я попытался что-то промычать, но это было бесполезно.

– Хорошо, что хоть Сенечку встретила. Он мне все и доложил. По полной программе!

Я понятия не имел, кто такой Сенечка. Но спрашивать не имело смысла. Это я сообразил сразу. Старушка сама все должна выложить. Она не являлась приверженицей диалога. И это мне было на руку. Я мог безболезненно оставаться глухонемым. А она не просто произносила

монолог, но походу дела чистила антикварные вещи, тут же ставила чайник на плиту, тут же подметала пол.

– Умница! Какой мальчик! А как палочкой дирижирует! Виртуоз! Еще жезлом ее называет. Ну прямо король! Или министр какой. А он и похлеще министра какого будет, разве не так? Одна ошибочка – и все, беды не миновать. А Сенечка всю ответственность понимает. Работенка у него, скажу вам, небезопасная! Я в ужасе, когда вижу, как он, горемычный, посреди дороги, словно в океане среди акул! Ан-нет! Не боится! Они, эти железные монстры носятся мимо него, кажется, вот-вот собьют! А он, как оловянный солдатик! Невозмутимо стоит и с палочкой играет. Знаете, Аристарх Модестович, в каждой работе есть свои гении. Так вот я собираюсь написать ему на работу, что, мол, Сенечка – гений! Не больше и не меньше! Подпишитесь?

Я уже собирался утвердительно кивнуть, что согласен подписать, что угодно. Тем более этот парень, Сенечка, про которого говорила старушка, и который посетил меня вчера, был вполне симпатичен. И действительно, почему бы не гений? Но старушка даже мне не позволила кивнуть головой, а продолжала тараторить. Ее не интересовало, подпишусь я или нет. Ей просто нужно было все время, не переставая, говорить, говорить, говорить. Словно, замолкни она на минуту – и тут же на месте испустит дух. Слова, как я понял, у нее были что-то вроде жабр.

– И встречаю я Сенечку. Нос к носу столкнулись. Он мне все и выложи. Мол, плох Аристарх Модестович. Мол, лица на нем нет. Мол, совсем расхворался. Ну, меня при этих словах чуть удар не хватил, – старушка для наглядности схватилась за сердце и покачнулась. Хотя я подозревал, что удар ее чуть не хватил по другой причине. Не она узнала новость первой и ей пришлось (это совсем немыслимо!) несколько минут выслушивать Сенечку.

– А я как предчувствовала! Так и говорю Сенечке! Мол, сон плохой накануне приснила. И рассказала ему, со всеми подробностями. Ну, прямо к вашей болезни! А приснилась, что вы потеряли беретку! Ну, говорю, Сенечке, не к добру это! Ох, не к добру! А он мне – не волнуйтесь вы так, Элеонора Викентьевна, беретка, мол, на нем. Я сам вчера видел. Собственными глазами. А зрение у меня, говорит, отличное. И с гордостью так прибавляет – я же регулировщик! А я – как же мне не волноваться! Беретке-то сколько годков? Я еще на свет не появилась, а она уже в костюмерной Александринки лежала. Разве не так? Так, Аристарх Модестович! Да вы без этой беретки, если честно, будто без головы! А если еще честнее – то я вас легче без головы представлю, чем без беретки!

Старушка топнула ногой, отбросила швабру в сторону и, наконец, удосужила меня взглядом. Сказать, что у нее был шок – ничего не сказать. Я даже испугался, что она меня узнала. Конечно, как не узнать человека, с которым она знакома по меньшей мере век? Но я ошибся. Я еще плохо знал Элеонору Викентьевну (хорошо, что еще хватило ума запомнить имя, вот выговорить, похоже, будет труднее). Я действительно ошибся. Не от моего вида у нее был шок, возможно, она даже в лицо плохо знала антиквара, не смотря на вековое знакомство, поскольку больше говорила, чем глазела по сторонам. Шок случился по случаю отсутствия беретки на моем седом парике. А беретку я, похоже, уронил, когда спал, что было вполне естественно, поскольку в беретках не спят. Что ж впредь нужно быть поосторожнее, и беречь этот головной убор, словно голову.

– О Боги! – старушка машинально схватилась за свою голову. – Сон в руку! Вы – и без берета! Непостижимо!

– Причем тут сон, Элеонора Вике…Викентьевна, – я даже произнес ее имя отчество по слогам, чтобы не ошибиться. – Сон-то к болезни. А беретка на месте.

– Ну, вы шутник! На каком таком месте! Ее место – на голове!

Мне пришлось проковылять к дивану, отыскать фетровую беретку и водрузить на голову. Элеонора Викентьевна мгновенно успокоилась и даже победоносно улыбнулась. Словно у меня на голове сияла корона.

– Вот так-то оно лучше. А то, ишь, чего выдумали! Ох, не нравитесь вы мне миленький. Ох, как не нравитесь. Не бережете вы себя. Коль уже и про беретку забыли. Хотя вам-то годков сколько? Я как пришла к вам работать, думала что гораздо младше вас буду. А потом гляжу – уже мы ровесники. А теперь совсем я старая. А вы все тот же. Словно вы таким и родились. И не молодеете, и не стареете, всегда одинаковый.

– Хорошо это или плохо? – я, наконец, вставил свои скромные пять копеек.

– Когда были молодым – плохо, выглядели уж больно старо. Когда стали старым – хорошо. Выглядите молодым. Чего уж лучше? Не знаю. Все равно помрем. Все. И разве так уж важно, как мы выглядели в жизни? В могилке-то все одинаковы будем.

– Ну что вы о печальном, – я попытался успокоить старушку, начисто забыв, что мы с ней с одного века.

– Поражаюсь я на вас, миленький. И смерти вы не боитесь. А зря. Конечно, бояться так сильно ее, подлую, не надобно. Но подумать следует. О жизни, к примеру. Помрем-то, помрем, а жизнь как текла, так течь и будет. Не спрашивая у нас. Не для нас. И без нас. Вот вы…Опять же, конечно, не думаю, что много уж накопили, но богатства у вас бесценные! Да вы и сами все знаете! Целая история у вас в руках. И кому же вы собираетесь эту историю передать? Чтобы не испоганили, не пропили, не разбазарили понапрасну. Ну же, кому?

Я молчал, и правильно делал. Я понятия не имел о жизни антиквара, которого вчера случайно впервые увидел (о том, что я его убил, как-то не успел подумать). Я понятия не имел, есть ли у него родственники, друзья, и написал ли он вообще завещание. Хотя, по-моему, он говорил, что никого у него нет. Но это не означало, что их вообще не было. Может он для них как раз очень даже был. И будет. Особенно мертвый. И я молчал. Зная, что ответит на все вопросы сама старушка. У нее по-прежнему все горело в руках. Она лихо орудовала тряпкой, шваброй, метлой.

– Вот завещание вы писать отказываетесь, мол, дурная примета. Хотя какой миллионщик верит в приметы? Миллионщиков они не касаются. А с другой стороны и верно, кому вам все завещать? Всю жизнь один и прожили. Ни женщины я здесь ни разу не видела, меня не в счет. Детей у вас нету. И друзей не заимели. Сколько помню – все один да один. Словно неприкаянный какой. Хотя и в этом вопросе, может, вы правы. Может одиночки дольше живут. Я так думаю, стены родного дома защищают не только от беды, но и от старости, а, может, и от самой смерти. Вот вы себя добровольно в эти стены и заключили. И друзьями вашими стали вещи. И это, может, верно. Заведи собаку – и то с ней сколько хлопот. А уж как жалко, когда она помирает! А вещи не поспорят, не обманут и не предадут. Но главное – не умрут. Получается, вам и плакать было не по кому. И волноваться не по ком. Сердце, получается, работает, как часы. Ни одного сбоя. Потому, как ни одного стресса. Я так понимаю? Как и вы?

Я пожал плечами. Я этого не понимал. Но мне уже начинало казаться, что понимать начинаю. И стены родного дома, словно крепость. И одиночество, которое дает полную свободу. И отсутствие жалоб и причитаний от любимой девушки. И отсутствие семьи, за которую не нужно переживать. И отсутствие друзей, которые в любую минуту могут предать. Да, вольная воля. В добровольной неволе. Не в этом ли секрет счастья? И этот секрет я вот-вот открою. Более того, у меня есть все шансы им завладеть. Чтобы сердце работало, как часы. Ни одного сбоя. А уж если поломается, то в один миг и сразу – я даже не успею заметить. Ну что ж, прости меня, старик! Я по-прежнему не хочу думать, что убил тебя. Впрочем, я могу дожить за тебя. Не хуже, чем ты. Возможно, не лучше. Но какое это имеет значение? Если лучше, чем ты жить и не придумаешь.

– Философ вы, Аристарх Модестович, это я вам от сердца говорю, – старушка прижала швабру к сердцу и тут же вновь принялась ею отчаянно орудовать, словно старые вещи извергают больше пыли. Еще одно заблуждение. – Как пить дать, говорю, философ, каких мало сыщешь, а теперь так и подавно! Вот теперь, к примеру, все чего-то мечутся, чего-то суетятся,

просчитывают, примеривают, приобретают. И всего побольше от жизни норовят урвать! И побольше денег, и побольше домов, и побольше путешествий, даже друзей копят, не глядя на качество. Даже жен, законных и незаконных, и тех в копилку. Знаете, дорогой, я вот гляжу на этих копителей, и все кажется, что они в постоянном движении, все бегут, бегут, словно на каком спортивном соревновании. Только разница в том, что это не просто кросс, ведь по пути нужно еще в мешок успеть собрать домов, жен, друзей. Вот к финишу, все потные, с одышкой, тахикардией, с заплывшими глазенками и с огромным мешком на плечах они приползают. А что в итоге получается? Кто первый прибежит? Тому получается первому и каюк. На финишной чемпион падает, мешок разрывается и подбирают его содержимое другие. Еще благо, если добрым словом упомянут своего благодетеля. А скорее, тут же забывают, даже родные. Поскольку мешок дороже для них любой жизни становится. Мешок эту жизнь, получается, перевешивает, разве не так? Сама-то жизнь, поди, весит так мало. Легка, как перышко. Ветерок подует – и улетит. Мы-то с вами это понимаем, недаром столько годков вместе знаемся. А они, поди, думают, что чем больше в жизни дается, тем больше и жизни дается. Мол, как же так, я столько имею, и разве жизнь посмеет вот так, просто так, ни с того-сего оборваться! Эх, еще одно заблуждение. Может, еще как может. И шансов на такой конец больше. Ведь слишком много денег, друзей, любви… Это другим словом можно назвать – саморазрушение! Или разрушение другими, или разрушение самой жизнью. А я так, как и вы, понимаю. Только застывшая форма и есть долгая жизнь. Когда ни друзей, ни любви и в меру денег. И жизнь за стенами. Ведь за стенами – это то же самое, когда человек умирает. Мертвый человек не может вновь умереть. А мертвым человеком можно стать и в жизни. И у него много шансов отсрочить свою смерть.

Я смотрел на старушку с большим интересом. Права она или нет? Скорее, она тараторила словами старика антиквара, которого боготворила, который долго не старел, потому что не мучился. Но философия которого оказалась весьма зыбкой. Он, оградил себя стенами. В друзьях лишь вещи. И казалось, никто не мог причинить вреда этому безобидному, на первый взгляд, старику. И что же? Его не спасли ни стены, ни история, ни исключительное одиночество. Впрочем… Вполне вероятно, ему уже было за 100. И просто пришел его час. Более того. В глубине души я полностью соглашался с его философией. Какой бы зыбкой она ни была. Разве я в глубине души не мечтал о подобной жизни? И по мере своих сил ее даже сделал. Сведя до минимума свои потребности и возможности. Что это было? Страх перед жизнью? Или, напротив, вызов ей. И это не она захлопнула передо мной двери. Это я хлопнул перед ее носом дверью. Чтобы не видеть, не знать, не желая видеть и знать, насколько она дурна. Но осуществить свои намерения у меня не было возможностей. Я был слишком беден. И я должен был периодически открывать двери перед жизнью, слегка приоткрывать, пролезая в щелочку двери. Чтобы идти на работу. Чтобы возвращаться домой, чтобы закрутить роман с Тасей, чтобы выжить. Теперь у меня есть все шансы выжить другим способом. Я имею все возможности закрыть перед жизнью двери навсегда и выбросить ключи. Я имею все возможности не жить. Чтобы жить и выжить. Я готов навеки заключить себя в темнице под названием антикварная лавка. Я готов дышать перебродившим воздухом старины. Выбросить календарь, не зная счета дням и годам. Я согласен быть мертвецом, но не потому чтобы подольше прожить. А чтобы не видеть самой жизни, несправедливых страданий в ней, уродливых страхов, мучений, патологического несовершенства. Это не борьба. Но это хоть какой протест. Протест, на какой я мог быть способен. И который, наверно, был мне удобен. Единственное, о чем я искренне сожалел, что невольно отнял жизнь у другого. Даже если он был сумасшедший. И даже если ему было за 100 лет. Бывает, и за сто лет жаждут жизни. А в двадцать по доброй воле обрывают ее.

– Ну да ладно, – издалека я услышал голос Элеоноры Викентьевны. – Не слушаете меня, дорогой, и ладненько. Чего меня, старую дурру, слушать. Да и не моя это философия – ваша.

Ее я у вас когда-то украла и теперь возвращаю. Ведь вы, дорогой Аристарх Модестович, даже не знали, что вместе с философией вашей я и кусок вашей жизни умыкнула. Права была или нет? Кто знает? Но, как и вы, всю жизнь так одна и прожила. Вот видите, сколько мне годков, а чувствую себя великолепно. Даже насморком не страдаю. А были бы дети, внуки, мужья, давно бы коньки отбросила, это я вам со всей ответственностью заявляю! Наши ровесники все торопились жить-то, скольких нет уже на земле? Даже могилы их не посещают, слишком уж древние, не актуально уже по ним плакать даже сородичам. А мы с вами, как две черепахи, так не торопясь к финишу и приползем. И уже не важно, кто первый. Это уже не от нас будет зависеть. Скорость-то у нас все одно одна, я правильно рассуждаю?

Я утвердительно кивнул головой.

– А вы-то здоровьице поберегите. Сенечка, думаю, преувеличил. Он, похоже, никак не может взять в толк, как это можно в нашем возрасте и не болеть? Вот и сочиняет всякого. Тоже такой шебутной! В любой миг его могут сбить! Такая скорость! Но, поди, любит он ее. И я за него ох как опасаюсь. Ведь, дорогой Аристарх Модестович, жальче-то всегда таких как Сенечка. Парень больно хороший и бессеребрянник. Такие тоже первыми к финишу прибегают. Просто так. От жажды жизни. Они просто так эту жизнь обожают, бесплатно. Она ничегошеньки им взамен не дает. Скорее, больше пинков, чем подарков. Но они, знай, размахивают своей палочкой, словно с ветряными мельницами борются. Да, и такие, слишком живые, слишком совестливые, тоже первыми в очереди на тот свет. Жаль, очень жаль. Я ему от всего сердца желаю оказаться в самом хвосте этой чертовой очереди. Нужны такие парни, очень нужны, если и их не останется, я уж не знаю…

– Чего вы его раньше времени хороните? – наконец выдавил хриплым голосом я. Мне тоже нравился этот парень. И меня даже слегка кольнула совесть, что он выбрал опасную дорогу, кишащую акулами, а я безопасный склеп.

– Нет, Аристарх Модестович, я, надеюсь, что хоронить его не буду. Во всяком случае, этого не увижу.

Старушка быстренько натянула пальто, повязала косынку, чмокнула меня в приклеенную бороду. И весело крикнув: «до завтра!» так же легко выскочила за дверь, как и вошла. Впустив струи осеннего ветра и прохладного вечера. И мне на миг показалось, что на метле она бы выглядела более гармонично. Я ошибся с первого взгляда, принимая ее за Шапокляк, или за нэпманшу из богемы. Скорее, она походила на ведьмочку, но очень добрую. Претендующую на чужую философию, живущую по чужой философии, но в глубине души, ей не доверяя. Потому что философия Сенечки ей была куда ближе. Хотя он никогда не был философом и, возможно, даже не знал, что на свете может существовать такая бессмысленная наука.

Вот и все. Все оказалось проще, чем я думал. От Викентьевны я узнал все, что мне было нужно. Да и узнавать было особенно нечего. Старик и впрямь оказался абсолютно одиноким. Похоже, самыми близкими у него были старушка и Сенечка. Остальные всего лишь случайные покупатели, а если и бывали постоянные, то вряд ли старик шел с ними на близкий контакт. Моя жизнь мало чем отличалась от жизни старика. Я тоже в ней был одиночкой. Разве что Тася… Впрочем, в последнее время у нас были более чем прохладные отношения. И каждый был готов к неминуемому разрыву. Тася прекрасно поймет, что я ее бросил. Впрочем, возможно, стоило позвонить? Нет, не стоило. Это было в моем характере. Просто исчезнуть. И не потому, что я был труслив. Просто мне лишний раз не хотелось обижать девушку. И Тася про эту черту характера знала. Сенечка представлял минимальную опасность, поскольку из совершенно разных были поколений старик и регулировщик, из разных социальных слоев и разного воспитания. Скорее, Сенечка забегал всегда на минутку, узнать все ли в порядке. Он был ответственный парень. А, возможно, его и впрямь сжигало любопытство, почему старик так ни разу не заболел. Вот Викентьевна… Она, конечно, больше говорила, чем смотрела и слушала. Но все же… Столько лет вместе…Изо дня в день… Только бы здесь не допустить

промах. Старушка, на первый взгляд, довольно простодушная. Но все же, мне казалось, она не так уж проста. И я грешным делом подумывал, как бы избавиться от ее услуг. Но ничего путного, что не вызывало бы подозрений, сочинить не мог.

За меня сочинила жизнь. И с какой стати последнее время она играет на моей стороне? Нет ли здесь подвоха? Я настолько привык к поражениям, что удачи для меня становились аномалией, и доверять им я разучился.

Следующим же утром я напряженно ждал старушку. Я понимал, что нужно расслабиться, чтобы не вызвать подозрений. Но напряжение, скованность нарастали. Я проверил, на месте ли берет. На месте. Вместе с головой. Но он сжимал до боли голову. Возможно, потому что она распухла от мыслей.

Вместо старушки неожиданно появился Сенечка, и я облегченно вздохнул. Сенечку я не боялся. Он долго на пороге лавки растирал замерзшие уши и бормотал:

– Ну и холодрыга. Им-то хорошо, они в машинах. Там и тепло, и музыка. И чай в термосе. – Сенечка не смотрел на меня. Он как-то съежился, втянул голову в плечи и все отчаяннее и отчаяннее растирал лопоухие уши. Они уже просто пылали. Я заволновался. Что-то было не так. И хотя я плохо знал этого парня, все же подозревал, что сегодня он совсем другой.

– Выпьешь чаю, Сеня? – я рискнул все же быть с ним на «ты». Он был настолько молод! Даже, если антиквар отличался чрезмерными интеллигентскими замашками, с лопоухим мальчишкой Сенечкой и то бы не посмел на «вы». Я угадал.

Сенечка еще больше пригнулся к полу, растирая уши. Казалось, он не может мне ответить.

– Выпей чаю, ты согреешься. У меня хороший чай.

Я уже успел изучить запасы старика. Плохой чай он не пил.

– И зеленый есть, и красный, и белый, и черный. С листиком мяты. С веточкой облепихи. С ягодами земляники. Ты какой хочешь, Сеня?

Я приблизился к парню. Того всего колотило. И мне показалось, что холод тут не причем. К тому же не так уж было холодно на улице. Даже не завывал ветер.

Я осторожно встряхнул его за плечи и приподнял подбородок. И встретился с ним взглядом. Глаза Сенечки были полны слез.

Неожиданно он вздрогнул, словно увидел меня впервые. Неужели узнал? Нет, этого не может быть. Седые длинные волосы, седая борода и черный берет. Как можно узнать человека?

– Что с тобой, Сеня?

– Я не знаю… Я не знаю, как вам…сказать…сообщить… – Сенечка еще более отчаянно стал тереть уши. И я силой отодрал его ладони от ушей.

– Прекрати! – резко сказал я. – Что случилось!

Мой резкий властный голос заставил Сенечку подпрыгнуть на месте и вытянуться в прямую стойку. Он имел опыт общения с начальством. И действительно походил на оловянного солдатика.

– Аристарх Модестович! Имею неприятность вам сообщить, что гражданка…гражданка…, – и Сенечка не выдержал. Оловянный солдатик растаял и промычал сквозь слезы… – Викентьевна ночью умерла, умерла, как пить дать.

Я машинально перекрестился. Так наверняка бы сделал антиквар.

– Царство ей небесное, – первое, что мне пришло на ум сказать. Но, безусловно, этого было мало. С этой женщиной антиквар был знаком долгие годы, возможно, целый век. И отделаться дежурным «царством небесным» вряд ли получится. Мне нужно было воображать неутешное горе. А это было непросто. Мне искренне было жаль эту старушку, словоохотливую, полную жизни. И так… Вдруг…У нее даже не было насморка. Впрочем, чтобы остановилось сердце, насморк необязателен, иногда он даже мешает.

Я резко повернулся спиной к Сенечке. И правильно сделал. Теперь Сенечка поверил в искренность моего горя. И положил руку на мое плечо.

– Держитесь, дорогой Аристарх Модестович. Прошу вас, держитесь. Я знаю, что кроме нее у вас никого не было.

– Никого, – эхом повторил я.

– Она всегда говорила, что вы старики крепкие, даже не болеете. И к финишу придете вместе. Ой, извините, я не про то, извините. Я не то хотел сказать, не так выразился, ей-богу. Дай вам Бог еще долгих-предолгих лет.

– Не извиняйся, Сеня. Мне она тоже это не раз говорила, – глухо ответила моя спина. – Как будет, так будет. Не так уж я боюсь смерти. Я живу в таком мире, где смерть давно поселилась. Но это не просто смерть. Это вечность. И кто скажет, что эти мои вещи не есть настоящая вечность. А я один среди них. Я сам давно мертв и я сам давно уже вечность. Вот так, Сеня.

Странно, мне только вчера старушка сама заявила, что к финишу они с антикваром придут вместе. Пережила она его всего на один день, даже не зная о его смерти. Но она и не должна была знать. Это за нее знало сердце. Вот оно и остановилось.

– Так жаль Викентьевну, – Сенечка шмыгнул носом. – Она меня любила. Я сам это чувствовал. За меня никто в жизни так не переживал, как она. Никто, представляете. А она, как бежит через дорогу, как видит меня – и давай размахивать руками и со всей силы бить машины сумкой по капоту, или багажнику, или лобовому стеклу. Помните, у нее еще такая цветастая сумка была, в розочки, что ли, или…

– Не нужно, Сеня. Мне тоже тяжело, – не поворачиваясь, я крепко пожал его ладонь.

– Я все понимаю. Но ничего уже не пропишешь. Меня ждет дорога. Куда они все прутся? Неужели трудно хоть иногда пешком пройтись. Я вот этого не понимаю! Я даже себе клятву дал, что никогда не куплю машину! Ни в жизнь!

– Не клянись, Сеня. Жизнь идет, а клятва остается. Зачем быть повязанным?

– Ну, вот вы, к примеру, дорогой. Вы…Вы вообще редко выходите. А если и выходите – только пешком. Так и живете пешком. Разве это плохо?

Я пожал плечами. Я еще не знал, плохо это или хорошо.

– И в магазин не ходите, редко гуляете, и то только, когда стемнеет. Да уж, у каждого свой ритм, у каждого. Тут ничего не попишешь. Я так медленно не люблю. Мне бежать надо. Но только не машины. Это уже полный идиотизм.

– Странно это слышать от госавтоинспекции.

– Госавтоинспекция – звучит слишком солидно. А я всего лишь регулировщик. Мне стоять нужно. И смотреть в оба на этих монстров, эх, знали бы вы, как я их ненавижу! Ну, просто не переношу! И Викентьевна их ненавидела. Даже мне электронную игру подарила, где всех их на дороге можно отстреливать за нарушение правил. Получается 80 процентов отстреленных, представляете! Что бы было в жизни! Представляете, 80 % преступников! И все среди нас! И каждый убить нас может! Нас 20, а их 80! Какова гарантия жизни!

– Я не играю в электронные игры.

– И то верно. Другой ритм. Другие нервы. Я не знаю, чем вас успокоить, потому что не знаю, как успокоиться самому. Но одно, что я для вас успел сделать. Я знаю, для вас это важно. Я уже дал объявление о преходящей домработнице.

И я тут впервые резко повернулся к Сенечке.

Пожалуй, у меня был настолько свирепый взгляд, что Сенечка попятился, покачнулся и чуть не упал.

– Зачем? – прохрипел я.

– К-ка-как зачем? – испугался Сенечка. – Что с вами, дорогой? Я никогда вас таким не видел. Боже! – Сенечка стукнул себя по лбу. – Ну конечно! Как я смею задавать такие вопросы.

Может быть, вам купить что-нибудь успокоительное? Хотя какое уж там спокойствие. Только время все успокоит. Положитесь на время, дорогой Аристарх Модестович.

– Зачем ты Сеня дал объявление?

– Это вы сейчас, в шоке говорите зачем. А потом мне спасибо скажете. Как же вы и без домработницы! Это же невероятно! Это же так всю вашу жизнь перевернет! Да это и убить вас может! Да! Да! Убить! А я этого никак не допущу! Чтобы вы сами в магазин ходили, в аптеку, в прачечную… Как же такое вообще возможно! Сами полы мыли и готовили! И посетителей принимали, вернее отшвыривали, извините, все же принимали! И на звонки отвечали! Нет, это определенно самоубийство! И я определенно этого никак не допущу!

Я признал свое поражение, и устало опустился в бархатное кресло. Интересно, кому оно принадлежало? Да, пожалуй, пора проверить все учеты и записи Аристарха, и выучить все вещи, всю их историю и их цену наизусть. Сенечка тысячу раз прав. Мне светиться не следует. Меня вообще никто не должен видеть. Во всяком случае, много и часто. Поэтому домработница необходима. Какая-нибудь проворная допотопная старушка, которая слыхом не слыхивала об антикваре. С ней, пожалуй, я буду в большей безопасности. И я посмотрел на Сенечку. Уже ласковым, почти трогательным взглядом.

– Прости меня, Сенечка. Я действительно не в себе. Смириться со смертью никто не может. Во всяком случае, пока. Даже если и готов к ней. Ведь мы с Викентьевной и впрямь не молоды. И смерть нам уже не казалась пришельцем из другой планеты. Она уже была рядом, почти жила с нами. И с нами делила и неудачи и радости. Мы давно ее не боялись. Ну, знаешь, как соседа. Который чего-то дожидается. И который что-то хочет от нас. И не очень любим друг друга. Но и друг без друга как-то пусто. Как говорится, – сосуществование. И неизбежность. И все же…

– Дорогой Аристарх Модестович, – Сенечка присел на корточки возле бархатного кресла и даже попытался взять мою руку. Но я вовремя спрятал ее. До меня вдруг дошло, что мои руки наверняка моложе рук старика. И руки гримировать я не умею. – Дорогой… Мне ужасно жаль Викентьевну.

У Сенечки на глазах вновь выступили слезы.

– Она мне как мать была… Или бабушка… Которых у меня в помине не было. Но… Я всегда чувствовал, что вы крепче ее. Гораздо крепче. Потому как на улице редко бываете. Мне вообще иногда кажется, что всех убивает улица. Может, потому что я на ней работаю, кто знает. И не обязательно машины убивают. Это просто. Сколько на улицах магазинов, контор, учреждений всяческих, офисов. И со всем этим нужно вступать в контакт. А контакт не самый приятный. Я бы сказал, убийственный контакт. Вы себя от него избавили. Вот почему вам просто необходима домработница. Как воздух, может, как продолжение жизни. Вы согласны, дорогой?

– Еще как согласен, Сенечка, еще как, – я улыбнулся. И подумал, что подобного контакта с улицей не допущу. И понял, что я всегда именно так хотел прожить свою жизнь. Только не мог сообразить, за что, за что фортуна так легко вступила в контакт со мной. Но мысленно поблагодарил ее за это.

Сенечка направился к выходу.

– Я оставлю вас одного, хоть вам, может одному, теперь и не сладко. Но, наверно, нужно.

Я утвердительно кивнул.

– Проводить-то Викентьевну в последний путь сможете?

Я кивнул отрицательно.

– Не смогу, Сенечка, не смогу. И не суди меня за это.

– Кто я такой, чтобы судить. И Викентьевна тоже бы не осудила. Людей, я так думаю, вообще нужно запоминать живыми. А мертвые пусть останутся для истории.

– Или не останутся.

– Ну, в вашей истории Викентьевна точно останется. Вам чего-нибудь принести от нее… Для памяти?

У меня не было памяти о Викентьевной и быть не могло. А вот у Аристарха… И я вспомнил о сумке.

– Ну, ту сумочку… В розочки. Которой она так отважно била машины по стальным мордам.

– Хорошая память, – Сенечка улыбнулся. – А ее вы помяните здесь.

– Помяну здесь. И похороню здесь. И сохраню здесь навсегда в своей истории. И поэтому здесь побуду один.

– Я понял. Только для меня открывайте двери. И для домработницы. Может, мы пока единственные живые для вас.

Сенечка закрыл за собой двери. И аккуратно повесил табличку «Закрыто». Он был умный парень.

Я облегченно вздохнул. Во всяком случае, на какое-то время я был полностью закрыт от жизни. И она не сможет вломиться мне в двери.

Эти несколько дней, на которых была табличка «закрыто» пролетели для меня мгновенно. Я лихорадочно изучал дело старика. Его записи, в которых с методичной четкостью были указаны не только цены на вещи, но и их биография. И эта биография неодушевленных предметов оказалась чрезвычайно увлекательной, и мне чудилось, что не просто мертвые вещи окружают меня. У каждой из них была душа. Я словно читал приключенческий роман, со множеством глав, где были и погони, и выстрелы, и смерть, и победа, и слезы, и страх, и радость. И меня уже не удивляло, что старик отказался от людей и от самой жизни. Он заменил и семью, и детей, и друзей и саму жизнь чужими биографиями, которые, наверняка, были гораздо увлекательней его собственной, если бы она состоялась. Может быть, поэтому он так долго прожил? И, по словам Викентьевны, совсем не менялся, не старел, что заменил собственную жизнь сотнями чужих жизней. И прожил сотни чужих жизней, так и не познав настоящую жизнь. В которой не так много удач и так много потерь.

Пару раз забегал Сенечка. Первый раз, чтобы рассказать о похоронах Элеоноры Викентьевны. Я слушал вполуха, поскольку меня не очень интересовали чужие похороны, хотя старушку было искренне жаль. И я даже пару раз промокнул глаза платком. Не играя в печаль, а печалясь. А во второй раз он мне принес хозяйственную сумочку в розочки. Все что осталось от Викентьевны для ее друга антиквара. И я демонстративно, при Сенечке ее аккуратно сложил в шкаф. Для будущей истории. Которая вряд ли кого заинтересует когда-нибудь. И состоится.

Сенечка на прощанье посетовал, что никто не отозвался на его объявление по поводу домработницы.

– И как вы тут, дорогой, один-одинешенек справляетесь? – вздохнул он на прощанье.

Я вздохнул вслед за ним. Справлялся я не плохо. Пока. Но что будет завтра, если все мои припасы закончились, вещи покрылись пылью. Выходить я опасался. Я боялся соприкосновения с миром, в котором играл чужую роль, и который уже мне не принадлежал. А вдруг этот мир меня разоблачит? Но, похоже, когда я сегодня доем последнюю консерву, завтра придется табличку «закрыто» снять. Как бы мне этого не хотелось.

Но «завтра» распорядилось иначе. Фортуна вновь легко пошла на контакт со мной, что меня еще больше встревожило.

Ранним утром я проснулся от громкого стука в дверь. Машинально нахлобучив беретку. Набросив халат на пижаму, сгорбившись, шаркая тапочками, я медленно пошел открывать. При этом я что-то хрипло ворчал себе под нос. Я выучил за эти дни свою роль на отлично.

На улице едва светало. Пронзительно завывал ветер. И мокрая листва прилипала к витрине. Свет я так и не включил, мне нужно было узнать, кто поднял меня в такую рань. Безусловно, я сегодня не ждал милиции, но на страх перед ней я похоже, обречен на всю жизнь.

Я осторожно приоткрыл занавеску и заметил маленькую женскую фигурку, которая прыгала от холода на месте и демонстративно хлопала ладошками по своим плечам. На милицию она не была похожа.

Поэтому я смело распахнул двери. Ветер едва не сбил меня с ног. И едва не сбила с ног меня девушка, которая буквально влетела в комнату, стуча так же демонстративно от холода зубами.

– До вас не достучаться! – вызывающе заявила она вместо «здрасьте».

Я вздрогнул при ее вызывающем голосе. И включил свет. И мы встретились с ней взглядом.

Мы встретились взглядом. Это была Тася. Моя Тася. К бумбончику вязаной шапочки прилип желтый лист. И я его осторожно снял. Не знаю, почему я это сделал первым делом. И только потом удивился. Впрочем, возможно, я это сделал от удивления. Нет, удивление еще мягко сказано. Мои ноги похолодели, и я не мог сдвинуться с места. Возможно, последствие шока – оцепенение – и спасло меня. На лице не проступило ни грамма изумления. Мимика была не подвижной. Лицо оставалось каменным и суровым. Каким, должно быть, и было бы лицо антиквара при виде нежданной незнакомки осенним ранним утром. Когда еще еле-еле светает. И когда особенно хочется спать. Впрочем, возможно, Аристарху спать не хотелось. Он был настоящий старик. Старики зачастую страдают бессонницей.

Передо мной стояла моя Тася. В вязаной шапочке с бумбончиком. К которой, совсем недавно, прилип желтый лист. Но я стариком не был. И она об этом не знала, не могла знать. Но тогда, черт побери, что она делает на пороге антикварной лавки!

Тася тут же ответила на мой мысленный эмоциональный вопрос. Тоже вполне эмоционально, в ее духе.

– Черт побери! Я вам тут тарабаню в дверь с полчаса! А вы спите, как убитый! Во истину лгут, что старики страдают бессонницей, особенно поутру! Прекрасно они дрыхнут, за милую душу! Мне бы так!

– Вы пришли обсуждать особенности моего ночного сна?

– Но не дневного же! – Тася хихикнула в ладошку. – Или вы и днем не прочь вздремнуть часок-другой? Да, при таком занятом образе жизни вам непременно нужна управительница! Точнее, мо… мож…можу… рдом! Да, може… можу…он мне больше нравится. Солиднее. Да, но так плохо выговаривается! Дурацкое слово! Во! Менеджер! Точно. Как пить дать! Мои подружки лопнут от зависти! Представляете!

Тася важно прошагала взад-вперед по комнате, подняв голову вверх и уперев руки в бока:

– Кем ты, Таська, работаешь?

А я им в ответ.

Тася понизила голос:

– Во-первых, не Таська, а Таисия Кирилловна. А работаю я… Вернее, не работаю, а служу менеджером в антикварном магазине, нет, магазин, вообще, как сельмаг звучит. Ага! Менеджером в антикварном супермаркете! Так точнее.

– А еще точнее – уборщицей в антикварной лавке, – не выдержал я и одернул Тасю довольно грубо, как всегда. Когда мне надоедала ее пустая болтовня, окрашенная легким снобизмом.

– А еще точнее – вы никем не работаете. Во всяком случае, у меня!

Но Тасю нужно было знать. Впрочем, я ее знал хорошо. Она никогда не сдавалась. И умела доставать, до полной победы. Но на сей раз о ее победе не могло быть и речи. Она запросто может меня разоблачить, и как я ей все объясню. При этой картине легкая дрожь пробежала по моему телу. Хотя… Вполне возможно она бы поддержала меня. По натуре Таська была авантюристкой. Но авантюра и убийство, во-первых, разные вещи. А, во-вторых, я не

хотел категорически к ней возвращаться. Только я обрел настоящий покой – и на тебе. К тому же, я не мог ни под каким предлогом впутывать в криминал девушку, хотя, возможно, при ней и было бы безопаснее. Нет, и еще раз – нет.

Пожалуй, последнюю фразу я пробормотал вслух. Потому что Таська тут же в ответ закричала:

– Дедушка! И на каком основании вы меня не берете! Что за шуточки такие! Интересно, почему это я вам не подхожу! Я все умею делать, к тому же я молода!

– Слишком молода, – резко ответил я. – Мне нужна старушка, еще с нэповских времен. А на счет все умею…, – я резко затормозил. Да, нужно контролировать себя. Я знал, на что способна Тася. Куча разбросанных вещей по всей комнате. Пыль на мебели. И редкое махание метлой в разные стороны, после чего еще больше пыли. Да, старательной и умелой ее вряд ли бы я осмелился назвать. И это чуть было не ляпнул. Но вовремя остановился.

– Да! Именно! Все умею!

– Ну, женщины все всё умеют. Это небольшая заслуга. А вот найти интеллигентную старушку, умеющую вести интеллектуальную беседу с покупателями… замечу, что мой магазин посещает определенный тип людей. Этакие эрудиты, этакие романтики, для которых история не просто абстрактное понятие, а осязаемая реальность, в которой они хотят принять свое непосредственное участие и оставить в ней свой след, либо хотя бы посметь ступить по чужому следу.

Тася слушала меня с открытым ртом, наморщив свой узенький лобик. Как всегда, ее шокировали словесные непонятности, на которые я был мастер. И чем больше она не понимала собеседника, тем больше уважала его, даже если он нес полную чушь, состоящую из стилистических ошибок. Как я теперь. Мне нужно было отпугнуть Тасю. Чтобы она сама отказалась от мысли об этой работе.

– Да-а-а… И вы это… Всерьез думаете, что я не обучусь разговаривать с вашими сомнительными романтиками?

– Увы! – я развел руками. – Этому не учатся. И этому не учат. Интеллигентный разговор – это дар врожденный.

Здесь я определенно слукавил. Интеллигентности можно научиться, просто сегодня зачастую учат наоборот. Таковы правила игры сегодняшних реалий, когда хамство, грубость и высокомерие является некой визитной карточкой, открывающей многие двери, за которыми восседают те же хамство, грубость и высокомерие. Но Тася этого не понимала. К тому же привыкла верить умным людям на слово. А зря.

Но Тася еще не сдавалась. Она упрямо помотала головой. И бумбончик на ее вязаной шапочке покачнулся из стороны в сторону.

– А, между прочим, мой один друг был бухгалтером – уже не так уверенно сказала она, видимо, вспомнив о пьяных загулах бывшего дружка.

Я только развел руками.

– А второй – настоящим философом, – еще менее уверенно упомянула она мою персону, видимо вспомнив о моих сомнительных выходках.

Я вновь развел руками.

И Тася сдалась. На ее глазах выступили слезы, она повернулась и медленно направилась к выходу. Я ликовал, хотя в душе жалел девушку.

Тася сделал последнюю попытку надавить на мою жалость. И у двери обернулась. И сквозь слезы пробормотала.

– Мне так нужна была эта работа. С прежней меня уволили. К тому же мой второй друг… ну, который философ, он пропал. Представляете, бесследно исчез.

Я приложил все усилия, чтобы не выдать волнения. Благо я был в гриме. В седой бороде волнение незаметно.

– Бесследно исчез? Как же так? Так невозможно, – прохрипел я.

– В том-то и дело, что невозможно. А оказалось, возможно. Ушел и не вернулся. Мне теперь просто не на что жить.

Я облегченно вздохнул. Тася подумала, что ее бросили.

– Не переживайте так. Может быть, он еще вернется. Но если нет… Всех бросают. И все бросают. Хоть раз в жизни.

– Бросают?! Ну, вы скажете! Какое там бросают! Если бы! Если бы он меня бросил, то я бы нашла способ его вернуть! От меня так просто не отделаешься! К тому же он наверняка бы меня предупредил! Не переживайте!

– Я и не переживаю. Мне вообще нет дела ни до вас, ни до вашего философа и тем паче – бухгалтера. Просто я пытаюсь вам объяснить, что он, возможно, не предупредил вас только потому, что знал – вы найдете способ его вернуть. Это ваши слова.

– Вот видите, вы меня уже цитируете. А говорили, я глупая. Глупых не цитируют.

– Ну, это спорное заявление. Не хочу показаться невежливым, но у меня куча работы. Так что, – я легонько подтолкнул Тасю к выходу.

– Я бы мигом разгребла вашу кучу, – Тася так жалобно смотрела на меня полными слез глазами, что будь я собой, то непременно бы сдался. Она права, вернуть меня она бы нашла способ. Но, к счастью, я собой не был вот уже несколько дней. И даже потихоньку стал привыкать к этой мысли. И потихоньку стал себя забывать. Тася же могла разрушить все мои планы. А к себе я не хотел возвращаться ни под каким предлогом. Впрочем, как и к ней. И я вновь ненавязчиво подтолкнул ее к выходу. Бумбончик на вязаной шапочке с укором кивнул мне.

Я услужливо, как швейцар, распахнул перед Тасей двери. И она переступила порог.

– До свидания, Таисия Кирилловна.

Слава богу, этот навязчивый визит, завершался. Поражением моей бывшей девушки, что на моей памяти случалось впервые. Но я поторопился заявить о своей победе.

– Извините, – последнее слово Тася оставила за собой, как всегда. И это слово оказалось решающим. – А вы не подскажете, где находится отделение милиции?

– Отделение милиции? – машинально переспросил я, по-прежнему желая избавиться от девушки. – Понятия не имею.

– Ну, тогда…

И тут до меня дошел смысл ее слов.

И я буквально силой втащил девушку в дом.

– Погоди, ты погоди, – я слишком суетился. Но Тася была не самой умной девушкой на свете. И вряд ли что-нибудь могла заподозрить. – Ты погоди, погоди. Милиция? Отделение милиции? У меня есть справочник, если хочешь, я поищу.

Я сделал вид, что бросился на поиски справочника, хоте не подозревал, имеется ли он в наличии. Хотя, по идее, у антикваров должны быть координаты всех учреждений.

– Вы так любезны.

– А зачем тебе милиция? – как можно непринужденнее выкрикнул я из дальнего угла комнаты, перебирая книги Аристарха.

– Зачем? – крикнула мне в ответ девушка. – Как зачем? Чтобы сообщить о пропаже друга! Уже более трех дней прошло! Такие заявления они принимают!

– Что, что, что?! Я ничего не слышу! – еще громче заорал я, хотя все прекрасно услышал.

Тася мигом очутилась возле меня. Я сидел, окруженный многочисленными книгами, которые сгрузил на пол и делал вид, что старательно ищу справочник. Тася повторила свой ответ.

– О пропаже дружка? – я округлил от изумления глаза. – Какие глупости! Бросил он тебя, девушка! Так тысячи парней сбегают от своих девушек! И тысячи мужей от своих жен! Тебя

даже не будут слушать в милиции! Больше у них дел нету! А еще хуже – вообще затаскают. Ты же с ним жила! Значит, если ту есть хоть доля криминала, ты первая и будешь в ответе!

– Ой, напугали! А что мне прикажете делать! – Тася приняла боевую стойку, подперев руки в бока. – Жить мне не на что! И мы вместе за квартиру должны расплатиться! И за холодильник! Гришка, может, и негодяй, но честный парень! Не оставил бы меня умирать в одиночку среди кредиторов! Только, если не наложил на себя руки. А если наложил – нужна милиция! Кстати, вот справочник! – Тася схватила телефонную книжку, лежащую прямо перед моим носом. – Других поучаете, а сами ни черта не замечаете, что творится у вас под носом.

Я осторожно забрал у нее справочник и усадил девушку в бархатное кресло.

– Ну, хорошо, милая. Мне действительно тебя жалко. Ну, как человек человека жалеет.

– Точнее, дедушка – внучку.

– Пусть будет так.

Ну, вот я уже стал дедушкой для девушки, которую совсем недавно еще любил. Время для меня воистину пробежало быстро.

– Мне не хочется, чтобы такая миленькая девушка связывалась с милицией. И не хочется, чтобы она погибала от голода. К тому же я убедился, какая ты проворная и находчивая. Так ловко отыскать справочник в чужом доме, под грудой книг!

– Который лежал перед вашим носом, на самом видном месте.

– «Большое видится на расстояньи». А что под носом происходит – незаметно.

Тася почесала свой курносый носик.

– Я все вижу, что у меня под носом происходит.

– Вот поэтому я и принимаю тебя на работу! В антикварном деле – главное внимание! Главное – все подмечать и уметь находить!

Тася от радости подпрыгнула на месте и закружила по комнате. Она никогда не умела скрывать своих эмоций.

– Вот это здорово! – она резко притормозил возле меня. – Неужели это правда? Не шутите?!

– С моей седой бородой, какие уж шутки, – я потеребил бороду.

– И то верно. И что, я и впрямь буду менеджером?

– Менеджер, Тася, это чуть-чуть другое. Ты будешь… Ну, скажем, секретаршей. Так точнее.

Тася вздохнула.

– Менеджером было бы лучше.

– Хочу заметить, что пять минут назад ты была без работы. Прошу и впредь это помнить.

– Ладно, ладно, уговорили. Секретарша – тоже неплохо звучит.

Тася скромностью никогда не отличалась.

– Более того. Абстрактно звучит. А на самом деле, но об этом, конечно, будем знать лишь мы с тобой, ты будешь и домработницей, и продавцом, и швейцаром, и поварихой, и официанткой…

Чем больше я произносил профессий, тем больше хмурилось Тасино личико.

– Ну и, счетоводом, конечно.

– Счетоводом? – Тасино лицо наконец-то просветлело. У нее явно была тайная страсть к математике, в которой она ни черта не смыслила.

– Справишься?

– Не знаю, как на счет домработницы и кухарки. Но счетоводом я точно смогу быть! Я же говорила, у меня бывший дружок… Ну, который еще до философа, был бухгалтером!

Слово бухгалтерия она по-прежнему произносила, как молитву.

– Так что не волнуйтесь! Уж я справлюсь!

Безосновательная самоуверенность – один из основных коньков моей бывшей девушки, которая сегодня годилась мне во внучки. А поводов для волнений у меня было предостаточно.

– И когда приступать к работе, то есть к службе… счетоводом, то есть…бухгалтером? Я могу хоть сегодня! – по-деловому спросила Тася. Ей деловитость шла так же, как ее бухгалтеру подснежник в петлице.

Мне вообще хотелось, чтобы ни к какой работе она не приступала. Или как можно дольше не приступала. Она была опасной работницей, у нее всегда все валилось из рук. Но оставлять ее без присмотра было куда опаснее.

– Завтра, завтра приступишь. А сегодня… Я тебе дам аванс, чтобы ты рассчиталась со всеми. И вообще, тебе, наверно, нужно подготовиться, собраться с мыслями, морально, так сказать, настроить себя на служение новому делу…

Тася от удивления приоткрыла рот.

– Ну да… Конечно, морально собраться с мыслями, – пробормотала она.

– Да, и еще, – я от волнения закашлялся. – И повернулся к окну. Так было легче не выдать волнения. – Ты понимаешь, у меня здесь серьезное дело, а не какая-нибудь шарашкина контора. И работа с историческими ценностями, и ценными бумагами, и важными людьми… Так что … В общем, о милиции я не хочу и слышать. Иначе окажешься в одну секунду на улице. Сама понимаешь.

– Сама понимаю, – как эхо повторила она за мной. – Конечно, это будто на секретном предприятии, да?

– Ну, в общем, да, – я вновь повернулся к Тасе и облегченно вздохнул. Вопрос с милицией был, похоже, решен. – Секретность – это точно сказано. Конкуренты никогда не дремлют.

– Только вы любитель вздремнуть, – Тася хихикнула в ладошку.

Я сурово сдвинул седые приклеенные брови.

– Да, и запомни хорошенько, очень хорошенько! Я тебе не дедушка, а твой начальник! И ты мне тем паче не внучка, а моя подчиненная! Так что никакой фамильярности!

– Никакой, дедушка! – Тася приложила, ладошку к виску и шаркнула ножкой. Как верный солдат. Хотя в ее верности я всегда сомневался.

Тася выскочила за дверь. И я, приподняв занавеску, наблюдал, как она весело перепрыгивает через лужи и мурлычит под нос какую-то песенку. И ее бумбон на вязаной шапочке шатается из стороны в сторону, как колокольчик. И, казалось, подыгрывает ей. И я словил себя на мысли, что не зря был в нее когда-то влюблен. Что-то в ней безудержно притягивало, как осенью притягивает солнце, а знойным летом – дождь, как притягивает абсолютная тишина в беспрерывном звоне колоколов. И одинокий звон колокольчика в абсолютную тишину. Но любовь моя было в прошлом. Это для меня облегчало ситуацию и усложняло одновременно. С кем-кем, а с Тасей нужно всегда быть готовым к неожиданностям. Кто-кто, а она была полна неожиданностей. И что-то эти неожиданности частенько сбывались. Да-да, как теперь.

Мои мысли материализовались мгновенно. У меня на глазах Тася, перебегая не по правилам дорогу, виртуозно лавируя между бешеными автомобилями, вдруг резко остановилась напротив Сенечки, который, в свою очередь, виртуозно лавировал палочкой. Он от неожиданности подпрыгнул на месте. От неожиданности на месте подпрыгнул и я. А Тася, приблизив личико прямо к оттопыренному, красному от холода, уху Сенечки, стала что-то возбужденно лепетать. Наконец Сеня вытянул руку с палочкой, указывая куда держать путь. И Тася пошла по пути, указанному регулировщиком.

Я взволнованно шагал по комнате взад-вперед. И мои мысли уже рисовали отчетливую картину: «Тася в отделении милиции», где девушка взахлеб рассказывает о пропаже своего дружка. Дело принимало для меня плохой оборот. Я, безусловно, совершил ошибку. Мне нужно было в эти дни позвонить Тасе и сказать, что я ее бросил. Раз и навсегда. И вообще

уехал из города, если не из страны или планеты. А рассчитаюсь с долгами позднее. Впрочем, это еще не поздно сделать. Стоит только дождаться, когда она вернется домой.

Горло по-прежнему болело. И душил кашель. Но у старика в лавке было тепло. И я, напившись горячего липового чая с малиновым вареньем, забрался на диван и, укутавшись шиншиловым пледом, читал исторические детективы, любителем которых оказался антиквар. Как антиквару и положено. Табличка «закрыто» по-прежнему наглухо закрывала мою дверь. И мой день для непрошенных гостей и покупателей. А барабанная дробь дождя по подоконнику и заунывный вой ветра, звучали как печальный аккомпанемент к моему покою. И я этим покоем от души наслаждался. И от души понимал, насколько мне не хватало его эти годы. Для души.

Вечером у меня вновь поднялась температура, но я нашел силы позвонить Тасе.

– Тась, это я, – сипло проурчал я в трубку.

– Кто – я? – нежно промурлыкала она в ответ.

– Ты что, совсем меня забыла? – хрюкнул я от кашля и досады, что любимая девушка не узнает родной голос.

– А кого я должна была забыть? Забывают тех, кого знали когда-то. Представьтесь, пожалуйста, – мурлыканье перешло в раздраженное кудахтанье.

– Ты что, разыгрываешь меня? – не менее раздраженно крякнул я.

После перепалки на скотном дворе, мы уже по-человечески рычали друг на друга.

– Это вы меня разыгрываете! Или представьтесь или у вас больше не будет такого шанса!

– О господи! Если это шутка… То глупая, как все твои шутки! Ну, хорошо, я сдаюсь, это Гриша. Твой Гриша.

В трубке повисло молчание. Потом трубка испуганно вздохнула, всхлипнула, ойкнула и, наконец, разразилась потоком и слез, и слов.

– Зачем, зачем вы разыгрываете меня?! Это что, жестокая шутка? Да? Да я Гришкин голос наизусть выучила. Мне он теперь ночами снится. А вы… Кто вы… Что-нибудь с ним случилось, да? Я чувствую, Ну ответьте, пожалуйста, я умоляю! Где он? Что с ним? Он попал в беду? Что бы ни было, я все выдержу, только честно-честно скажите…

– Да я тебе честно и говорю! Дурочка! Но до твоей тупой башки не доходит! Это я, Гриша! Меня сейчас в городе нет! Понимаешь, мне срочно нужно было уехать! Так что пока меня не жди, ты слышишь? Не жди!

– Я вас и не жду! – уже истерично закричала трубка! – Я Гришку жду! А вы…вы…я понятия не имею!..

Ох, как мне хотелось заорать в ответ. Но простуженный голос не позволял. Но я сделал попытку.

– Да ты выслушай меня, идиотка, – мой голос сорвался. И в ответ раздались истеричные гудки.

Похоже, я допустил промах. Тася определенно меня не узнала. Я при ней не болел ни разу. И мой простуженный голос она не представляет. Как не так уж хорошо помнит мой обычный голос по телефону, поскольку на моей памяти мы с ней почти не созванивались. Мы вместе уходили на работу и вместе возвращались. А если нам и случалось по воле обстоятельств в одиночку плавать в кишащем городе, то эта передышка была недолгой. К тому же сегодня на линии были ужасные помехи. Видимо, от разбушевавшейся к вечеру погоды. Деревья от сильного ветра клонились наземь и провода на столбах разрывались от боли.

Я со злостью бросил трубку на рычаг, и раздался условный стук в дверь. Я, кряхтя и пыхтя, сгорбившись и скукожившись, поплелся открывать. Играть в старика мне было несложно. Болезнь на время превратила меня в немощного человека. Как всякая болезнь превращает людей разного возраста в стариков.

Сенечка, мокрый с головы до пят, долго вытирал ботинки на пороге, отряхивал плащ-накидку. Наконец, придвинул кресло к камину и вытянул замерзшие руки и ноги. Пока он грелся, я готовил крепкий чай, желая поскорее вытянуть из него утренний разговор с Тасей.

– Да уж, погодка, так погодка. Не угадаешь. Утром такое солнце, аж сердце радуется! И никак не можешь поверить, что вечером такой ужас. – Сенечка отхлебнул горячий чай и закатил глаза от удовольствия. – А вы совсем плохо выглядите, дорогой. Говорил вам, куплю лекарства, новейшие средства, так нет – упрямитесь не по своему положению.

– Ну, старый добрый аспирин у меня еще есть. А все остальное завтра мне моя секретарша купит. Да, кстати, забыл вас поблагодарить за нее. Мне кажется, замечательная девушка. Сразу видно – смышленая и аккуратная. Так что я теперь буду в безопасности. И мое положение улучшится, – я сразу решил брать быка за рога. Бык не сопротивлялся. И мне подыграл. Похоже, он хотел разузнать про Тасю не меньше моего.

– Да уж, и симпатичная какая, – Сенечка покраснел, от неловкости подавился чаем, громко закашлял.

Я услужливо похлопал по его спине. При этом сделав вид, что нахожусь в полном недоумении.

– Что вы говорите! Симпатичная? Так вы с ней знакомы? Уж не вы ли мне ее подбросили, так сказать, от чистого сердца. Помочь умирающему старику.

– Ну, это вы зря, Аристарх Модестович. Вам еще много годков отпущено, уж мне-то поверьте. А что касается девушки… – Сенечка вновь покраснел, и хотел было от неловкости прихлебнуть чаю, но передумал, видимо опасаясь снова подавиться. – Коли был бы я с нею знаком, уже точно бы ее к вам приставил. От чистого сердца, как вы говорите. Но, увы, даже имени ее не знаю.

– Тогда как же, я не понимаю…

– На улице она ко мне подбежала. Прямо на дороге. Эти сумасшедшие носятся взад-вперед. А она, не менее сумасшедшая! Между ними, как между акулами, сюда-туда…Раздавить могли запросто, как букашку. И фарой бы не моргнули, и сигналом не пискнули, и не притормозили бы. Я уже было хотел штрафу ей выписать. Но сами знаете, на штраф у нас и времени нет. К тому же, как только она сказала, что является вашей новой секретаршей, я тут же и скумекал. Ну, какой можно брать штраф у работницы глубокоуважаемого Аристарха Модестовича. Это словно я бы взял штраф у вас, или у Элеоноры Викентьевны. Нехорошо это. Я у друзей штраф не беру. Хотя… Я и так редко штрафую. Мне, честно вам доложу, пешеходов гораздо жальче, чем этих железных монстров. Вот с них я сдираю по полной программе. И чем железка дороже, тем она больше платит. Я правильно рассуждаю? Вроде налогов. Ведь должны они у них быть поболе, чем у пешеходов. Ан нет, всех уравняли. Неправильно это. Как жить, так одинаково недолжны. Не приветствуется одинаковость. А как платить – тут уж все равны. Кто с копейкой в дырявом кармане, кто с мешком золота за спиной. Вы присоединяетесь к моему мнению, дорогой?

– Еще как, Сенечка, еще как. А что секретарша? Тоже жаловалась на машины?

– Не-а, чего ей жаловаться. Похоже, она не из жалобщиков. Она, как Викентьевна. Проще поступает. Сумочкой их по железной спине.

– Фу, – я помахал журналом. Температура поднималась. Я весь горел. – А я уж думал, что она жалобу хотела в милицию написать.

– Да нет, зачем ей милиция? Она дорогу у меня просто спросила.

Я напрягся.

– Дорогу? И куда, если не секрет.

– Какой тут секрет. Девушка симпатичная, молодая. Как вы говорите – смышленая. Сразу скумекала, что почетная должность, какую вы ей предоставили, требует особого оформления. Вот она и хотела свой вид, так сказать, усовершенствовать. Придать ему другой, соответ-

ственный вашей антикварной лавке окрас. А то, знаете ли, джинсы и кеды – как-то не совсем солидно. Вот и спросила, не знаю ли я, где тут расположен магазин для деловых женщин. А я свой район, как пять пальцев знаю. Вот и указал нужное направление.

Я перевел дух и налил еще чаю. Безусловно, я совершил глупость, позвонив Тасе. Она бы не посмела ослушаться того, кто ей предоставил работу. Да, я определенно поторопился. Только вспугнул девушку. Впрочем, возможно, она уже одумалась, вспомнила и поняла, что звонил ей именно я. А если нет? Может быть, не брать ее на работу и держаться подальше? Нет, не годится. Я должен за ней следить. За каждым ее шагом. Чтобы она не натворила глупостей. И как можно быстрее отвлечь ее от мыслей обо мне. Чтобы она поскорее вообще забыла о моем жалком существовании. Я внимательно посмотрел на Сенечку. Вот он, этот обаятельный парень с лопоухими ушами и курносым носом, мне и поможет. Определенно он влюбился в Тасю с первого взгляда. А она? Впрочем, его профессия – регулировщик – должна ее сразить наповал. Хотя… Тася любила интеллектуалов. А чем Сенечка не интеллектуал? Говорит он витиевато, вычурно, видимо, подражая слогану старика. А как влюбить в себя Тасю – это дело нехитрое, и я ему смогу подсказать.

Утром я встал пораньше, чтобы встретить Тасю во всеоружии. Мне нужно было ненавязчиво заставить ее рассказать о телефонном разговоре с ее дружком, то есть со мной. Не знаю зачем, но я тщательно причесался, надел новый пиджак Аристарха. Белый, в черную клетку. И даже почистил беретку, к которой стал потихоньку привыкать, как к собственной голове. Не знаю почему, но сегодня меня роль старика раздражала, как никогда. Я с раздражением посмотрел на себя в зеркало. И выпрямил плечи. Спина болела. За эти дни я уже привык сутулиться.

Тася постучалась в дверь лавки вовремя. Я распахнул двери. В комнату медленно и торжественно вошла девушка. Ее волосы были подобраны в какую-то неимоверную высокую прическу. Лицо ярко накрашено. Если бы я не ждал Тасю, я бы в жизни не догадался, что это она. Передо мной она так никогда не выряжалась. Тася сбросила синий плащ и предстала передо мной в строгом дорогом костюме. Длинный твидовый пиджак и юбка до колена. Ансамбль завершали высокие лаковые сапоги на высоченных каблуках. Я вздохнул. Похоже, Тася еще не скоро расплатится за холодильник и квартиру. Весь аванс, который я вчера ей щедро выплатил из запасов старика, она с удовольствием оставила в магазине для деловых женщин. Вот чертовка! Мне она гораздо больше нравилась в шапочке с бумбоном, джинсах и кедах. И я решил незамедлительно ей отомстить.

– А где твоя шапочка?

Тася округлила глаза.

– Вы что! Издеваетесь! Какая еще шапка! Я секретарша, а не какая-нибудь…торговка!

Я подумал, что она разговаривает, как торговка. В полном несоответствии с костюмом деловой женщины.

– Я тебе объяснил, что секретарша – это условное название. Посмотри, что у меня делается. И первым делом – ты должна привести в порядок дом, – я провел пальцем по поверхности буфета. – Видишь сколько пыли! А на полу! Сколько грязи! Сейчас сезон дождей. И ты должна привыкать к мысли, что мыть пол придется тебе по нескольку раз в день. А в твоем костюмчике и этих сапожках, вряд ли удобно заниматься уборкой. Ты хорошо меня поняла?

Моя месть удалась. Тасино хорошенькое личико скривилось. Казалось, она вот-вот расплачется, как ребенок. У которого вот-вот отберут нарядное платьице.

– А сами, вон как вырядились. Словно франт какой-то.

– Я – хозяин магазина, девушка. А вы – подчиненная. И будете впредь следовать моим указаниям. И повторюсь – никаких фамильярностей на мой счет.

Тася что-то пробурчала в ответ, гневно сверкнув на меня своими большими глазенками, и, так же бурча под нос, ушла в соседнюю комнату переодеваться. Это не заняло у нее слишком

много времени. Все же она от природы не была леди, и это мне больше всего в ней нравилось. Ей бы и в голову не пришло, что женщине нужно определенное время (очень долгое время) для смены своего образа. Поэтому через несколько минут она предстала предо мной в тех же джинсах, полосатой рубашке на выпуск и кедах.

– Молодец, похвалил я ее. Действуешь быстро, как в армии. Эти качества я ценю больше всего в работниках.

– И в женщинах тоже? – съязвила Тася, наплевав на мой запретный закон о фамильярности. – Или в вашем возрасте уже не делят человеков на мужчин и женщин?

– Во-первых, людей, а не человеков, – резко поправил я ее, хотя знал по собственному опыту, что это бесполезно. – А во-вторых, я не делил человеков и в твоем возрасте, – я почему-то был уверен, что старик их действительно не делил.

– Вот поэтому вы и один. И поэтому мне даже вас чуть-чуть жаль.

– Жалость я тоже ценю в людях, но только не по отношению к себе.

– Ну, тогда пожалели бы бедную девушку и не заставляли ее драить полы и сдувать пыль с мебели.

– Сдувать не получится. Бери тряпку и хорошенько все вымой.

– А посетителей будете вы принимать? И дверь открывать? И кланяться перед ними, а кто купить чего хочет – тому чай подносить, а кто не хочет – сделать так, чтобы захотел. Сомневаюсь, чтобы вы справились.

Я задумался. Если честно, я сомневался тоже. И вообще не желал видеть посетителей и тем более вести с ними беседу. Я подумывал, не проще бы вообще смыться с капиталом антиквара. Но это было невозможно. Наверняка бы меня объявили в розыск… А если бы еще нашли труп старика…Хотя это маловероятно, он покоился в надежном сыром склепе.

– Конечно, не справлюсь, – я признал свое поражение. – Для этого тебя и пригласил. И даже обозначил твою должность. Не домработница, а секретарша.

– А на деле?

– А на деле по утрам и вечерам ты будешь уборщицей, а днем, при приеме посетителей, моей помощницей. Все очень просто. И очень по-честному.

– Проще и не бывает, – Тася гневно стрельнула в меня своими большими глазками. – Только не очень по-честному получается. Две должности и одна зарплата.

– А не хочешь – ни одной должности и ни одной зарплаты.

– Не хочу, – он схватилась за швабру и с каким-то яростным отчаянием стала протирать пол. В ее руках все… нет, слава Богу, не горело. Но летело в разные стороны, переворачивались с грохотом стулья, скрипели столы, раскачивались, как на ветру, занавески. В общем, ураган молниеносно пробежал по антикварной лавке и резко затихнул непосредственно перед прилавком, где и происходила продажа ценных предметов. Где в шкафу и на витрине лежал антиквариат. Затихнул на минуту, чтобы, как я подозревал, с удвоенной, а то и с утроенной силой, набросится на него. В минуту затишья я вовремя сориентировался, встал стеной перед Тасей. И поднял руки вверх.

– Все, все, все. Эта территория неприкосновенна, она находится под моей эгидой. И следить за ее чистотой буду я сам.

Тася пожала плечами и поправила косынку на затылке.

– Как хотите. Хотя зря мне не доверяете. Ничего я не переколочу. Можете сами убедиться. Все в ценности и сохранности.

В этом я и убедился. И хотя ураган был действительно разрушающий по своим звукам. Никакого разрушения не произошло. И стулья, и столы, и диваны, и занавески, все были целы и невредимы. Более того. Тася прибрала идеально. Комнаты и кухня, без преувеличения, сияли чистотой. Мне даже стало обидно. Я вспомнил, как мы жили. В бардаке, хаосе, честнее сказать – в свинарнике. Впрочем, обижаться, наверно, я не имел права. Я ей зарплату за домашнюю

уборку не выплачивал. А зарабатывала она наравне со мной. И столько, что теперь, при воспоминании об этих деньгах, у меня пробегал легкий озноб по телу. Я хотел побыстрее забыть свое прошлое. Свое прошлое, похоже, побыстрее хотела забыть и Тася, судя по тому, в какую цену ей обошелся костюм. Но я сомневался, хотела ли она забыть меня. И тут же получил ответ на эти сомнения. Она меня забывать не собиралась.

– Видите, как все чисто, – Тася гордо встряхнула головой. И ее косынка упала на пол.

– Чисто, Тася, Чисто. Сдаюсь. И каюсь, что в тебе сомневался.

– А вот когда мы жили с Гришкой, – Тася громко всхлипнула. – Я никогда так не убирала. И теперь, знаете, как меня мучит совесть. Где он теперь? Хотя… Он тоже порядочной свиньей был. Я не меньше его пахала, а дома он палец об палец не ударил, чтобы мне помочь, вы понимаете?

– Понимаю, – кивнул я и тут же решился на осторожный вопрос, который мне не терпелось задать еще с утра. – Тася… А что твой парень… ну, этот… Гриша, да? Он не появлялся?

Тася всхлипнула еще громче и тут же в подробностях, даже передразнивая и свои, и мои интонации, пересказала наш вчерашний телефонный разговор.

– Ну, вот видишь! – я старался не смотреть на девушку. – Это он и звонил, я уверен. А ты, глупенькая не поверила.

– Да я скорее поверю, что это звонили вы! – выпалила Тася. – Это вы сипите, как и положено старикам. Особенно простуженным. А Гришка никогда не сипел!

– Что за ерунду ты несешь! – не выдержав, вспылил я. – Как будто твой Гришка не мог простыть!

– Да он в жизни не простывал! Он здоровый, как конь! Просто любил отлынивать от работы! И часто притворялся больным. Философ он, видите ли! А я кто ему? Ну, вот скажите, кто? Простая продавщица? Да если хотите знать, у меня первый парень был бухгалтером! Я не раз это Гришке в лицо бросала, чтобы он утерся! Так прямо в лицо и заявляла: а мой парень был бухгалтером! Он, наверняка, втайне завидовал. Вот скажите, ну что такое философия? Никто ответить не может. Эта философия не в состоянии даже подсчитать нашу жизнь. И цену ей дать. Все словечки одни. Неподсчитанные. А бухгалтерия все может! Оценить и нас, и все что вокруг нас, и высчитать и слова наши, и наши мечты, и даже будущее. И смысл жизни в цифрах указать! Все может! Вот Гришка и бесился, что мой парень был выше его по рангу! И умнее, наверняка.

– Чего же он, такой умный спился? Если сам смысл жизни мог высчитать?

– А вы откуда знаете? А, ну да, я говорила. Вот от того и спился. Как высчитал и понял, что его жизнь, как и многих, на копейку потянет, так сразу и спился. И другие тоже спились бы, да считать не умеют. А вы говорите – философия!

– Да уж, – я вытер пот со лба. Как ни странно, но при всей Тасиной простоте, я часто соглашался с ней. Как и теперь. Впрочем, все чаще я стал доверять людям попроще.

– Да… Но все же, Тася, послушай меня, старика. Я много пожил и понимаю психологию людей. Поверь мне на слово. Ушел твой парень, как ни больно тебе в этом признаться, но он ушел от тебя. Уехал. Возможно, он одумается и вернется. Возможно, он одумается скорее, чем ты думаешь. Просто ему тоже время нужно подумать. Ты меня понимаешь? Он звонил, он. И поступил, смею утверждать, порядочно. Все же сказал тебе. Просто ты не дала ему высказаться и объясниться до конца.

– Может, вы и старый, и много годов прожили, но ничегошеньки в наших с Гришкой отношениях не кумекаете. К тому же, кому? Кому, как не мне знать его голос? А? А ваша психология, это как философия – пустой звук в этой комнате, захламленной вещами. Какая может быть психология, если всю жизнь прожили среди неодушевленных предметов. А для психологии нужна душа.

– Может, у этих предметов тоже душа есть, откуда нам знать.

– Может и есть. А у некоторых людей нет. Но я говорю о живой душе. Поэтому… Нет, я уверена, не Гришка это звонил. На все сто – не Гришка. У Гришки тоже душа есть. Уж я это знаю.

Я знал, что если что-то Тасе втемяшится в голову – никакие слова не помогут. И даже порка. Бог с ним, убеждения по поводу, кто звонил, придется приберечь до лучших времен. Теперь главное – не допустить ее с заявлением в милицию.

– Ну ладно, Тася, – вздохнул я. – тебе, может, и лучше знать, хоть я уверен в обратном. Только… В таком случае, что ты решила делать?

– В таком случае – не мне решать. Это решать милиции.

Я чуть не подпрыгнул на месте. И чтобы не наговорить глупостей в ответ, закурил дрожащими руками сигарету и приоткрыв форточку, повернувшись к Тасе спиной, глухо выдавил.

– Ты опять о милиции…

– Опять? – Тасин голос сорвался на последней ноте. При чем тут опять?! Вчера одно было, а сегодня – совсем другое! Звонил-то кто-то неизвестный! А, спрашивается, зачем звонил? Головоломка? Напугать меня хотел? А может за Гришку выкуп хотел потребовать? Вот пусть милиция и решает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.